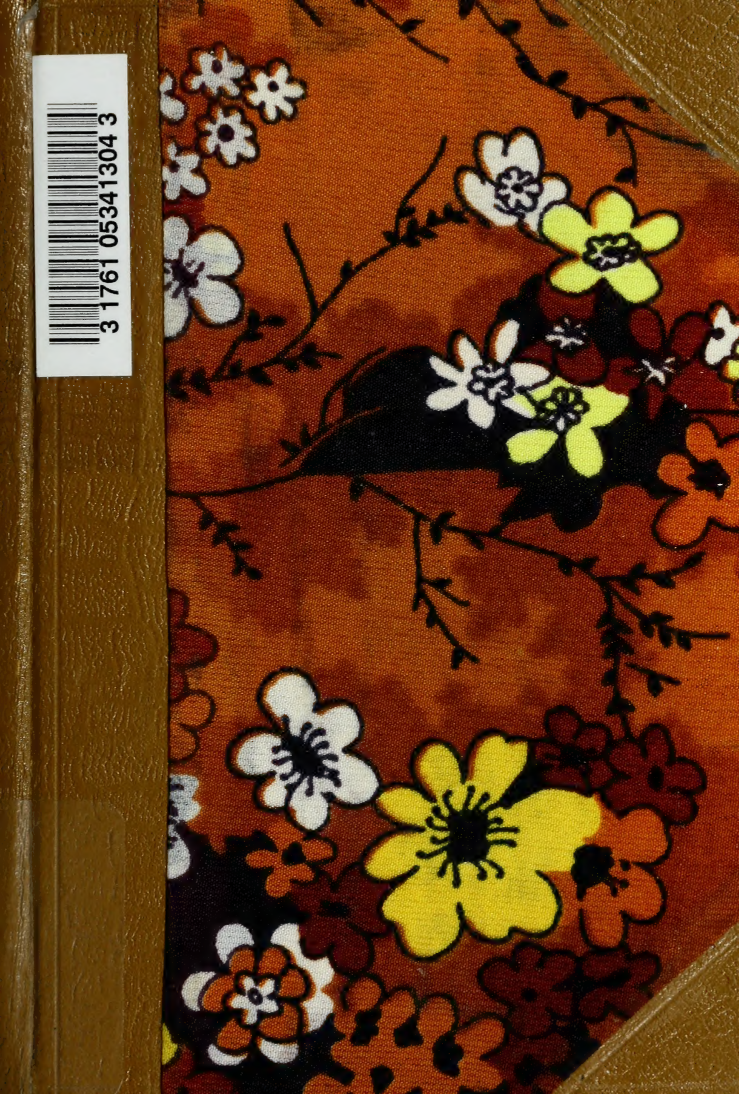
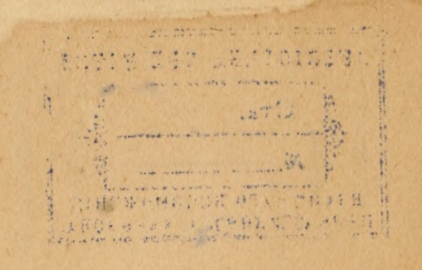
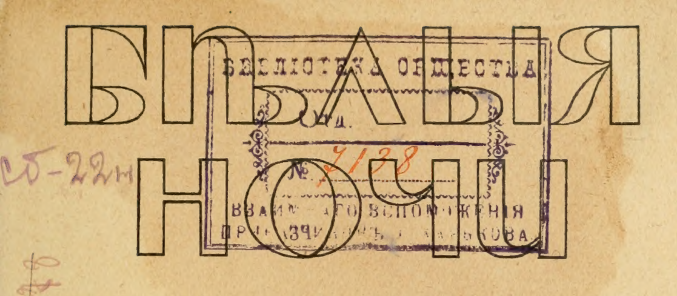

3 1761 05341304 3

БѢЛЫЯ·НОЧИ

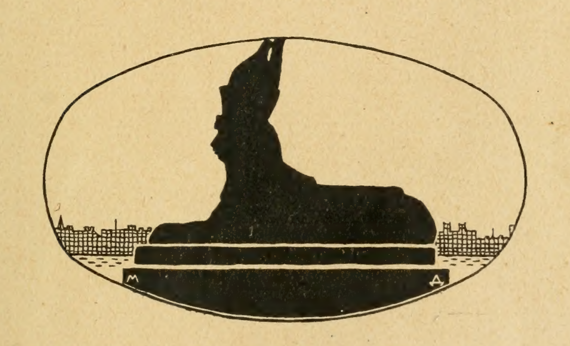
Обложка работы М. В. Добужинскаго.

Отпечатано въ Іюнѣ 1907
Товариществомъ Вольная Типографія
СПБ. Фонтанка, 94.

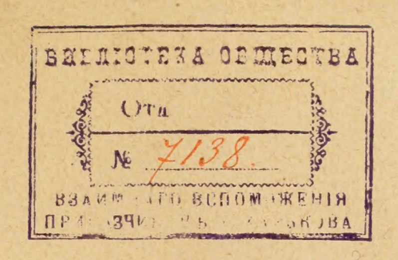
ПЕТЕРБУРГСКІЙ

АЛЬМАНАХЪ

1 9 0 7

ИЗД: Т-ВА
ВОЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

СФИНКСЫ НАДЪ НЕВОЙ.

Волшба ли ночи бѣлой приманила
Васъ маревомъ въ полонъ полярныхъ дивъ,
Два звѣря-дива изъ стовратныхъ Ѳивъ?
Васъ блѣдная ль Изида полонила?

Какая тайна вамъ окаменила
Жестокихъ устъ смѣющійся извивъ?
Полночныхъ волнъ немеркнущій разливъ
Вамъ радостнѣй ли звѣздъ святого Нила?

Такъ въ часъ, когда томятъ насъ двѣ зари
И шепчутся лучами, дѣя чары,
И въ небесахъ мѣняютъ янтари,—

Какъ два серпа, подъемля двѣ тіары,
Другъ другу въ очи—дѣвы иль цари—
Глядите вы, улыбчивы и яры.

Вячеславъ Ивановъ.

18 мая 1907 г.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ТОМЛЕНІЯ ВЕСНЫ.

I.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА.

Евгенію Иванову.

1. ПЕТРЪ.

Онъ спитъ, пока закатъ румянъ,
И сонно розовѣютъ латы.
И съ тихимъ свистомъ сквозь туманъ
Глядится змѣй, копытомъ сжатый.

Сойдутъ глухіе вечера.
Змѣй расклубится надъ домами.
Въ рукѣ протянутой Петра
Запляшетъ факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснутъ витрины и троттуары.
Въ мерцаньи тусклыхъ площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всѣхъ укроетъ мгла.
Потонетъ взглядъ въ манящемъ взглядѣ.
Пускай невинность изъ угла
Протяжно молитъ о пощадѣ:

Тамъ, на скалѣ, веселый царь
Взмахнулъ зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящій облачила!

Бѣгите всѣ на зовъ, на ловъ,
На перекрестки улицъ лунныхъ!
Весь городъ полонъ голосовъ,
Мужскихъ — крикливыхъ, женскихъ —
струнныхъ!

Онъ будетъ городъ свой беречь.
И, заалѣвъ передъ денницей,
Въ рукѣ простертой вспыхнетъ мечъ
Надъ затихающей столицей.

2. ПОЕДИНОКЪ.

Дни и ночи я безволенъ.
Жду чудесъ, дремлю безъ сна.
Въ пѣсняхъ дальнихъ колоколенъ
Пробуждается весна,

Чутко вѣетъ надъ столицей
Угнетеннаго Петра.
Вечерница льнетъ къ денницѣ,
Несказаннѣй вечера.

И зарей—очамъ усталымъ
Предстаетъ, озарена,
За прозрачнымъ покрываломъ
Лучезарная Жена...

Вдругъ летитъ съ отвагой ратной—
Въ бранномъ шлемѣ голова—
Ясный, кроткій, Златолатный,
Кѣмъ возвысилась Москва!

Ангелъ, Мученикъ, Посланецъ
Поднялъ звонкую трубу.
Слышу коней тяжкій танецъ,
Вижу смертную борьбу...

Свѣтлый Мужъ ударилъ Дѣда!
Бѣлый—чернаго коня!..
Пусть послѣдняя побѣда
Довершится безъ меня!..

Я бѣгу на воздухъ вольный,
Жаромъ битвы утомленъ...
Бейся, колоколъ раздольный,
Разглашай весенній звонъ!

Чуждый спорамъ, вѣрный взорамъ
Дѣвы алыхъ вечеровъ,
Я опять иду дозоромъ
Въ тѣнь узорныхъ теремовъ:

Не мелькнетъ ли лучъ въ свѣтлицѣ?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдетъ ли отъ ѣожницы
Лучезарная Сама?

II.

ОДНОМУ ИЗЪ ДЕКАДЕНТОВЪ.

А. М. Д.—своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

Изъ городского тумана,
Посохомъ землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя,

Будто играющій въ жмурки
Съ Вѣчностью—мальчикъ больной,
Странствуя, чертитъ фигурки
И призываетъ на бой.

Голосъ и дерзокъ и тонокъ,
Замыселъ—чистъ и высокъ.
Слабый и хилый ребенокъ
Въ ручкѣ несетъ стебелекъ.

Стебель вселенскаго дѣла
Гладитъ и кличетъ: «Молись!»

Вкругъ исхудалаго тѣла
Стебли цвѣтовъ завились...

Вотъ—поднимаются выше,
Скоро уйдутъ въ небосводъ...
Голосъ все тише, все тише...
Скоро заплачетъ: пойметъ.

III.

НОЧНАЯ МОЛИТВА.

Они Ее видятъ! Они Ее слышатъ!
Валерій Брюсовъ.

Тебѣ, Чей сумракъ былъ такъ ярокъ,
Чей Голосъ тихостью зоветъ!
Приподними небесныхъ арокъ
Все опускающійся сводъ!

Мой часъ молитвенный недологъ:
Заутра обуяетъ сонъ.
Еще звенитъ въ душѣ осколокъ
Былыхъ и будущихъ временъ,

И въ этотъ часъ, который кратокъ,
Душой измученной зову:
Явись! Явись! Продли остатокъ
Минутъ, мелькнувшихъ наяву!

Тебя, Чья тѣнь давно трепещетъ
Въ закатно-розовой пыли!
Предъ кѣмъ томится и скрежещетъ
Суровый магъ моей земли!

Тебя—племенъ послѣднихъ Знамя!
Ты—Воскрешающая Тѣнь!
Зову тебя! Склонись надъ нами!
Насъ ризой тихости одѣнь!

IV.

Такъ окрыленно, такъ напѣвно
Царевна пѣла о веснѣ.
И я сказалъ:—Смотри, царевна,
— Ты будешь плакать обо мнѣ.

Но руки мнѣ легли на плечи,
И прозвучало:—Нѣтъ, прости.
— Возьми свой мечъ. Готовься къ сѣчѣ.
— Я сохраню тебя въ пути.

И я сошелъ тропой уклонной
И слушалъ, опершись на мечъ,
Обѣтъ царевны благосклонной,
Ея торжественную рѣчь:

— Иди, иди, мой рыцарь дальній,
— Куда ведетъ тебя весна,
— Гдѣ безначальнѣй, безглагольнѣй
Твой путь—пѣвучая струна.

— Я сохраню мой ледъ и холодъ,
— Замкнусь въ хрустальномъ терему,
— А ты вернешься, снова молодъ,
— И долгу вѣренъ своему.

— И будетъ радость въ долгихъ взорахъ,
— И тихо протекутъ года:
— Вкругъ замка будетъ вѣчный шорохъ,
— Во рву—спокойная вода.

— Да, я готова къ поздней встрѣчѣ,
— Навстрѣчу руку протяну
— Тебѣ, несущему изъ сѣчи
— На остріѣ копья — весну.

Даль опустила синій пологъ
Надъ замкомъ, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой дологъ.
Иду за огненной весной.

V.

Я кую мой мечъ у порога.
Я опять—безконечно люблю.
Предо мною вьется дорога,
Кто пройдетъ—того я убью.

Только Ты не пройди, мой Глашатай,—
Ты вчера промелькнулъ на горѣ.
Я боюсь не тебя, а заката.
Я—слѣпецъ на вечерней зарѣ.

Будь Ты ангелъ—Тебя не узнаю
И смертельною сталью убью:
Я сегодня навѣрное чаю
Воскресенія мертвыхъ—въ раю.

VI.

Я вамъ повѣдалъ неземное.
Я все сковалъ въ воздушной мглѣ.
Въ ладьѣ—топоръ. Въ мечтѣ—герои.
Такъ я причаливалъ къ землѣ.

Скамья ладьи красна отъ крови
Моей растерзанной мечты.
Но въ каждомъ домѣ, въ каждомъ кровѣ
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши дѣвы слѣпы,
У юношей безогненъ взоръ.
Назадъ! Во мглу! Въ глухіе склепы!
Вамъ нуженъ бичъ, а не топоръ!

И скоро я разстанусь съ вами,
И вы увидите меня
Вонъ тамъ, за дымными горами,
Летящимъ въ облакѣ огня!

VII.

ИСКУШЕНІЕ.

Вотъ—въ изнурительной работѣ
Вы духу выковали мечъ.
Вы, птицы, будьте на отлетѣ,
Готовьте духъ для новыхъ встрѣчъ!

Весеннихъ талей вздохи томны,
Звѣздясь, синѣетъ тонкій ледъ.
О, разгадай подъ маской скромной,
Какая женщина зоветъ!

Вамъ перепутья даль откроютъ,
Призывно засинѣетъ мгла.
Васъ дѣвы падшія укроютъ
Въ пріюты свѣта и тепла...

Открытый путь за далью вольной.—
Но берегитесь, въ даль стремясь,
Чтобъ голосъ мѣди колокольной
Не опрокинулся на васъ!

VIII.

Если только она подойдетъ...
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосводъ...
Голубая, спокойная гладь.

Кто приkликалъ моихъ лебедей?
Кто надъ озеромъ бродитъ, смѣясь?
Неужели средь этихъ людей
Незамѣтно заря родилась?

Все равно,—буду ждать, буду ждать...
Я одинъ, я въ толпѣ, я, какъ всѣ...
Окунусь въ безмятежную гладь —
И всплыву въ лебединой красѣ.

IX.

Все тихо на свѣтломъ лицѣ.
И росистая полночь тиха.
Съ нѣмымъ торжествомъ на лицѣ,
Открываю грани стиха.

Шепчу и звеню, какъ струна.
То—ночные цвѣты, не слова.
Ихъ росу убѣлила луна
У подножья Ея Торжества.

X.

СЫНЪ И МАТЬ.

Сынъ осѣняется крестомъ.
Сынъ покидаетъ отчій домъ.

Въ пѣсняхъ матери оставленной
Золотая радость есть:
Только бъ онъ пришелъ прославленный,
Только бъ радость перенесть!

Пѣтухи поютъ къ заутренѣ,
Ночь испуганно бѣжитъ.
Хриплый рогъ тумановъ утреннихъ
За спиной ея трубитъ.

Вотъ—въ доспѣхѣ ослѣпительномъ,
Слышно, ходитъ сынъ во мглѣ:
Духъ свой предалъ небожителямъ,
Сердце—матери землѣ.

Поднялись надъ луговинами
  Кудри спутанные мховъ,
Мѣтятъ взорами совиными
  Въ стаю легкихъ облаковъ.

Вотъ онъ, сынъ мой,—въ свѣтломъ облакѣ,
  Въ шлемѣ утренней зари!
Сыплетъ онъ стрѣлами колкими
  Въ чернолѣсья, въ пустыри!

Вѣетъ вѣтеръ очистительный
  Отъ небесной синевы.
Сынъ бросаетъ мечъ губительный,
  Шлемъ снимаетъ съ головы.

Точитъ грудь его пронзенная
  Кровь и горнія хвалы:
— Здравствуй, даль, освобожденная
  Отъ ночной туманной мглы:

Въ сердцѣ матери оставленной
  Золотая рана есть:
Вотъ онъ, сынъ мой, окровавленный!
  Только бъ радость перенесть!

Сынъ не забылъ родную мать:
Сынъ воротился умирать.

XI.

У Г А Р Ъ.

Заплетаемъ, расплетаемъ
Нити дьявольской судьбы,
Звуки ангельской трубы.

Будемъ счастьемъ, будемъ раемъ,
Только знайте: вы—рабы.

Мы ребенку кудри чешемъ,
Пѣсни длинныя поемъ.

Поиграемъ и потѣшимъ:
Будетъ маленькимъ царькомъ,
Царь повырастетъ потомъ!

Вотъ ребенокъ засыпаетъ
На груди твоей, сестра!

Слышишь, онъ во снѣ вздыхаетъ?
Видитъ красный свѣтъ костра:
На костеръ идти пора!

Положи вѣнокъ багряный
Изъ удушливыхъ углей
Въ завитки его кудрей!

Пусть онъ грезитъ въ часъ румяный,
Что на немъ—вѣнецъ царей!

Пойте стройную стихиру:
Царь отходитъ почивать!

Пѣсня носится по міру,
Будутъ ангелы вздыхать,
Надъ костромъ кружа, рыдать!

Тихо въ сонной колыбели.
Успокоился царекъ.

Дѣвы сестры улетѣли.
Занимается денекъ.
Сизый стелется дымомъ.

XII.

Ты можешь по травѣ зеленой
Всю церковь обойти,
И сѣсть на паперти замшеной,
И кружево плести.

Ты можешь опустить рѣсницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку изъ ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Какъ цвѣтикъ голубой,
И эти косы слишкомъ длинны
Для шляпы городской.

Но ты гуляешь съ краснымъ бантомъ
И сѣмячки лущишь,
Телеграфисту съ желтымъ кантомъ
Букетики даришь,

И потому ты будешь рада
   Сквозь мокрую траву
Придти въ туманъ чужого сада,
   Когда я позову.

XIII.

Ты смотришь въ очи яснымъ зорямъ,
А городъ ставитъ огоньки,
И въ переулкахъ пахнетъ моремъ,
Поютъ фабричные гудки.

И въ суетѣ непобѣдимой
Душа туманамъ предана...
Вотъ—красный плащъ, летящій мимо,
Вотъ—женскій голосъ, какъ струна.

И помыслы твои несмѣлы,
Какъ складки современныхъ ризъ...
И женщины—рѣсницы-стрѣлы
Такъ часто опускаютъ внизъ...

Кого ты въ скользкой мглѣ замѣтилъ?
Чьи окна свѣтятъ сквозь туманъ?
Здѣсь ресторанъ, какъ храмы, свѣтелъ,
И храмъ открытъ, какъ ресторанъ...

За кѣмъ плетешься ты бродяга?
Чей плащъ передъ тобой во мглѣ?
Кому, кому еще бѣдняга,
Ты хочешь вѣрить на землѣ?

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дѣвъ, и рестораны
Погаснутъ всѣ—въ урочный часъ.

XIV.

НЕВИДИМКА.

Веселье въ ночномъ кабакѣ,
Надъ городомъ—синяя дымка
Подъ красной зарей—вдалекѣ
Гуляетъ въ поляхъ Невидимка.

Танцуетъ надъ топью болотъ
Кольцомъ окружающихъ до̀мы.
Протяжно зоветъ и поетъ
На голосъ, на голосъ знакомый.

И воетъ, какъ брошенный песъ,
Мяучетъ, какъ сладкая кошка,
Пучки вечерѣющихъ розъ
Швыряетъ блудницамъ въ окошко.

Вамъ сладко вздыхать о любви,
Слѣпыя, продажныя твари?
Кто небо запачкалъ въ крови?
Кто вывѣсилъ красный фонарикъ?

И ломится въ черный притонъ
Ватага веселыхъ и пьяныхъ,
И каждый во мглу увлеченъ
Толпой проститутокъ румяныхъ.

Вечерняя надпись пьяна
Надъ дверью отворенной въ лавку.
На Звѣрѣ Багряномъ Жена
Съ расплеснутой чашей вина
Вмѣшалась въ безумную давку.

Въ тѣни гробовой фонари.
Смолкаетъ надъ городомъ грохотъ.
На красной полоскѣ зари
Беззвучный качается хохотъ.

XV.

НАДПИСЬ НА КНИГѢ СТИХОВЪ.

Здѣсь тишина цвѣтетъ и движетъ
Тяжелымъ кораблемъ души,
И вѣтеръ, песъ послушный, лижетъ
Чуть пригнутые камыши.

Здѣсь въ заводь праздную желанье
Свои приводитъ корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальнихъ ропотахъ земли.

Здѣсь легкимъ образамъ и думамъ
Я отдаю стихи мои,
И томнымъ ихъ встрѣчаютъ шумомъ
Рѣки согласныя струи.

И, томно опустивъ рѣсницы,
Вы, дѣвушки, въ стихахъ прочли,

Какъ отъ страницы до страницы
Въ даль потянули журавли.

И каждый звукъ былъ вамъ намекомъ,
И несказаннымъ—каждый стихъ.
И вы любили на широкомъ
Просторѣ легкихъ риѳмъ моихъ.

Когда рѣка ладью качала,
И томно пѣла быстрина, —
То глубина васъ обнимала,
Васъ цѣловала тишина.

И каждая навѣкъ узнала
И не забудетъ никогда,
Какъ обнимала, цѣловала,
Какъ пѣла тихая вода.

СЕРГѢЙ АУСЛЕНДЕРЪ.

ДВА РАЗСКАЗА.

ВЕЧЕРЪ У ГОСПОДИНА ДЕ-СЕВИРАЖЪ.

Послѣ ареста и казни кавалера де-Мондевиль мы стали собираться у Севиража.

Почти два мѣсяца понадобилось для исполненія всего, что подсказывала осторожность и благоразуміе, раньше чѣмъ нашъ новый канцлеръ счелъ возможнымъ наконецъ назначить первый, послѣ казни стольких друзей, вечеръ, котораго мы всѣ ждали съ понятнымъ нетерпѣніемъ, такъ какъ въ эти тяжелые дни общеніе съ друзьями и сладкія воспоминанья безвозвратно прошедшаго были единственнымъ утѣшеніемъ немногихъ еще, хотя, быть можетъ, всего на нѣсколько часовъ отклонившихъ гибель, уже переставшую даже страшить, какъ что-то неизбѣжное и непреклонное. Въ темномъ, ненавистнаго якобинскаго покроя, плащѣ я, соблюдая всѣ предосторожности, въ свѣтлыя весеннія сумерки съ

багровымъ закатомъ и молодымъ нѣжнымъ мѣсяцемъ надъ Сеной, прокрался къ дому Севиража.

Условленный знакъ говорилъ, что все благополучно, и, стараясь остаться незамѣченнымъ, открывъ калитку, я прошелъ по аллеи, уже начинающихъ распускаться акацій, къ маленькому домику маркиза, служившему въ прежнія времена веселымъ уединеніемъ для любовныхъ и всякихъ другихъ забавъ, а теперь единственному изъ всѣхъ владѣній, оставленному и то только благодаря особой милости къ нему самого консула.

Согласно уставу я, еще никого не видя, былъ проведенъ Мартиніаномъ, послѣднимъ изъ слугъ, на котораго можно было положиться, въ крошечную комнату безъ окна, освѣщаемую одной свѣчей, гдѣ я съ наслажденіемъ скинулъ уродливый кафтанъ, чтобы переодѣться въ розовый, шелковый костюмъ, уже слежавшійся отъ долгаго неупотребленія, но еще не вполнѣ потерявшій тонкій ароматъ духовъ, быть можетъ, съ послѣдняго бала въ оперѣ или даже, кто знаетъ, въ самомъ Версалѣ. Я нашелъ приготовленнымъ также пышный парикъ съ голубой лентой, шпагу, правда съ поломанной рукоятью, мушки въ видѣ сердецъ, бабочекъ и цвѣтовъ и наконецъ пудру, уже два мѣсяца не

виданную мною. И я чувствовалъ, какъ вмѣстѣ съ одеждой возвращаются ко мнѣ прежнія легкость, остроуміе, изящество, веселость, красота, беззаботность, всѣ эти милости неба, такъ тщательно скрываемыя въ послѣдніе мѣсяцы подъ отвратительной маской санкюлота.

Еще разъ оглядѣвъ себя въ маленькое зеркало, въ которомъ при невѣрномъ свѣтѣ дрожащей въ моей рукѣ свѣчи снова, колеблясь, возникалъ столь милый и давно потерянный образъ кавалера и виконта де-Фраже, напудренный, нарядный и взволнованный, я вышелъ въ гостинную. Какой сладостью наполняли сердце всѣ, даже столь утомлявшія когда-то, мелочи строго соблюдаемаго этикета. Какъ отдыхалъ взоръ на изяшныхъ манерахъ, слухъ на тонкихъ остротахъ и изысканнѣйшихъ оборотахъ рѣчи. Какъ прекрасны казались улыбки дамъ въ высокихъ, искусно изображающихъ различныя фигуры, прическахъ и пышныхъ фижмахъ; какъ стройны и галантны были, будто воскрешающіе все великолѣпіе дворцовъ, нарядные кавалеры.

«Какія новости, дорогой—виконтъ» — встрѣтилъ меня, вставая на-встрѣчу хозяинъ.

«Вы слышали, на вчерашнемъ пріемѣ король сказалъ Мандевилю: — Я не слишкомъ завидую вамъ — »

«Да, а австріячка выдала себя головой,

хлопнувъ дверью такъ, что всѣ подвѣски на люстрахъ зазвенѣли.»

«Мондевиль былъ великолѣпенъ»

«А, какъ посмотрѣлъ король на Куаньи, который не могъ сдѣлать улыбки.»

«Это все послѣдствія ночного приключенія въ маскарадѣ.»

«Послушайте, Буже! Онъ разказываетъ забавныя подробности, будучи свидѣтелемъ всего происшедшаго!»

И Буже разсказывалъ съ такимъ милымъ азартомъ, что черезъ нѣсколько минутъ я совсѣмъ отдался знакомой власти пріятныхъ выдумокъ, не вспоминая трагической дѣйствительности.

Всѣ эти давно знакомые разсказы объ уже погибшихъ людяхъ, передаваемые такимъ тономъ, будто ничего не измѣнилось за стѣнами нашего, когда-то перваго въ Парижѣ, салона, переполняли всегда сладкимъ волненіемъ.

Гавре, обыкновенно горячо принимавшій участіе въ нашихъ разговорахъ, увлекаясь ими, чуть ли не искреннѣй всѣхъ, казался сегодня задумчивымъ и разстроеннымъ. Нагнувшись къ нему черезъ столъ, такъ какъ онъ сидѣлъ прямо противъ меня я спросилъ:

«Что съ вами любезнѣйшій маркизъ?»

Вздрогнувъ, онъ перевелъ на меня свои, даже

въ самыя веселыя минуты неподвижные, свѣтлые глаза и отвѣтилъ совершенно спокойно:

«Сегодня я встрѣтилъ его. Онъ проходилъ въ улицу Дофина. Я все думаю, что ему понадобилось тамъ. Можетъ быть онъ шелъ къ ней на свиданье. Но что же я могъ сдѣлать. Какъ помѣшать.»

Я понялъ, что рѣчь идетъ о его недавно столь трагически погибшемъ другѣ и его возлюбленной тоже казненной, но я не могъ разобрать, говоритъ ли онъ серьезно или нѣтъ, потому что обычный нашъ пріемъ упоминать о покойныхъ друзьяхъ, какъ о живыхъ, казался мнѣ слишкомъ не умѣстнымъ въ данномъ случаѣ.

Подавали чай, вошедшій въ моду послѣ американскихъ походовъ, пристрастія къ которому я не раздѣлялъ и вино, краснѣвшее въ хрустальныхъ приборахъ.

Буже разсказывалъ уже объ утреннемъ гуляньѣ въ Булонскомъ лѣсу и ссорѣ двухъ весьма высокопоставленныхъ особъ.

«Вы забываете совсѣмъ меня, милый Фраже»—тихо сказала прекрасная госпожа Монклеръ, задержась на нѣсколько секундъ за моимъ стуломъ, какъ будто оправляя оборку своихъ фижмъ.

«Вы хотите...»—началъ я, но она перебила

меня совсѣмъ громко, такъ какъ нашъ разговоръ уже не оставался незамѣченнымъ:

«Конечно, конечно. Я буду вамъ очень благодарна.»

И оставивъ меня переполненнымъ такъ хорошо знакомымъ чувствомъ любви, опасности, сладкой вѣры въ быть можетъ совершено пустыя, лживыя слова, она спокойно и медленно прошла въ сосѣднюю комнату. Я вышелъ за ней. И наши встрѣтившіяся улыбки были безмолвнымъ уговоромъ. Издали слѣдуя за Монклеръ, я вздрогнулъ отъ неожиданности, когда въ узенькомъ темномъ корридорѣ двѣ нѣжныя руки обвились вокругъ моей шеи и цѣлуя со смѣхомъ она, видимо хорошо знавшая расположеніе дома, увлекла меня въ маленькую, совершенно такую же, какъ въ которой я переодѣвался, комнату, изъ всей мебели имѣвшую одинъ столъ, что впрочемъ не слишкомъ затруднило насъ.

Когда черезъ полчаса мы съ разныхъ концовъ присоединились къ оставленному обществу, только что начавшееся чтеніе стиховъ отклонило вниманіе всѣхъ отъ нашего появленія.

Нѣсколько погрубѣвшій, но все еще прекрасный Жарди читалъ своимъ чистымъ, металическимъ голосомъ, не сводя широко раскрытыхъ рѣдко голубыхъ глазъ съ одной

точки какъ будто видя что-то невидимое для другихъ.

Любви утѣхи длятся мигъ единый,
Любви страданья длятся долгій вѣкъ.
Какъ счастливъ былъ я съ милою Надиной;
Какъ жадно пилъ я кубокъ томныхъ нѣгъ;
Но, ахъ, недолго той любови нѣжной
Мы собирали сладкіе плоды.
Потокъ временъ несытый и мятежный
Смылъ на пескѣ любимые слѣды,
На томъ лужкѣ, гдѣ вмѣстѣ мы рѣзвились,
Коса скосила мягкую траву;
Вѣнки любви увы уже развились,
Надины я не вижу на яву,
И долго послѣ въ томномъ жарѣ нѣгъ
Другихъ красавицъ звалъ въ бреду Надиной
Любви страданья длятся долгій вѣкъ,
Любви утѣхи длятся мигъ единой. [1])

Среди покрывшаго послѣднія строфы восторженнаго шепота всегда окружавшихъ поэта яркимъ цвѣтникомъ дѣвицъ и дамъ, вдругъ раздался голосъ Гавре негромкій, но непреклонный:

«Стишки недурны, но я не замѣтилъ необходимой рифмы — гильотина»

[1]) Стихи написаны для разсказа М. Кузминымъ.

Всѣ въ смущеніи не умѣли прервать неловкаго молчанія, наступившаго послѣ столь неумѣстной выходки, весь вечеръ такъ странно ведущаго себя Гавре и только Жарди продолжалъ еще улыбаться, глядя въ пространство, своей милой, застѣнчивой улыбкой такъ идущей къ его лучезарному лицу.

Тогда нашъ канцлеръ увидѣлъ необходимость вмѣшаться своей властью, выступивъ впереди онъ сказалъ гнѣвно и величаво:

«Дерзкій безумецъ, вы забыли священную клятву предъ божественной чашей Іоанна, покровителя и помощника нашего. Ваше малодушіе граничитъ съ предательствомъ. Братья, обойдите молчаливымъ презрѣніемъ эти дикія слова, какъ обходите вы палачей и убійцъ и тѣмъ побѣждаете ихъ подлое насиліе. Маркиза де-Гавре больше не существуетъ среди нашихъ друзей. Какъ смерть не можетъ отнять отъ насъ ни одного славнаго имени, такъ одинъ отвратительный поступокъ вырываетъ навсегда даже изъ памяти самое имя презрѣннаго.»

Медленно и спокойно Гавре допилъ свое вино и при общемъ молчаніи, ни на кого не глядя, вышелъ изъ комнаты.

Хотя искусно завязанный разговоръ и создалъ сейчасъ же видъ привычнаго оживленія, но тяжелое смущеніе не покидало уже сердца,

кажется, всѣхъ присутствующихъ и вскорѣ по немногу, изъ осторожности маленькими группами стали расходиться.

На прощанье канцлеръ произнесъ краткую рѣчь, въ которой преподалъ наставленія горделиваго отрицанія жестокой дѣйствительности, единственнаго достойнаго поведенія въ настоящихъ обстоятельствахъ и напомнилъ уставъ нашего ордена «Братьевъ св. Іоанна».

Внезапно задутый благодѣтельнымъ вѣтромъ фонарь въ рукахъ мужа далъ намъ возможность проститься быстрымъ беззвучнымъ поцѣлуемъ, не думая, когда намъ придется опять увидаться.

———

Занятія математикой, которыми я увлекся въ эти тяжелые дни, помогли мнѣ спокойно не только ожидать своей участи, но даже исполнять самыя отвратительныя требованія такъ называемаго «Комитета спасенія».

Благоразуміе и твердая вѣра въ то, что настанетъ часъ, когда можно будетъ бросить маску и нанести смертельный ударъ ненавистной революціи ее же орудіемъ, заставляли меня подчиняться безропотно всему.

Зная мое происхожденіе, но не имѣя противъ меня никакихъ обвиненій, комитетъ, кажется, съ особымъ удовольствіемъ назначалъ меня

чаще другихъ въ число гражданъ, обязанныхъ своимъ присутствіемъ придавать хотя бы тѣнь законности ихъ гнуснымъ убійствамъ. И я научился не дрогнуть ни однимъ мускуломъ подъ взорами добровольныхъ сыщиковъ.

Въ седьмой день Фруктидора яснымъ, но холоднымъ утромъ, я, повинуясь предписанію «Комитета спасенія» прибылъ на площадь Революціи для присутствія при казни сорока аристократовъ, приговоренныхъ по процессу извѣстнаго заговора «Святой Дѣвы».

Чиновникъ конвента, провѣривъ присяжныхъ по списку, размѣстилъ насъ на скамейкахъ эшафота, какъ разъ около самой гильотины. Почти не замѣчая происходившаго, весь уйдя въ разрѣшеніе трудной теоремы, надъ которой я бился уже нѣсколько дней, я вдругъ услышалъ сразу нѣсколько хорошо знакомыхъ именъ, произносимыхъ прокуроромъ, читающимъ приговоръ.

Много разъ приходилось мнѣ, не поблѣднѣвъ, выходить изъ подобныхъ испытаній, но въ эту минуту мнѣ показалось, что все погибло: сердце похолодѣло, и я удивляюсь, какъ я не упалъ тогда же съ своей высокой скамейки прямо въ толпу, жадно ожидающую привычнаго зрѣлища.

Въ маленькихъ тачкахъ подвозились все новыя и новыя жертвы, которымъ приходилось,

не смотря на быстроту и ловкость палачей, все таки ждать своей очереди иногда нѣсколько мучительно-долгихъ минутъ.

Сколько тутъ было знакомыхъ лицъ. Вотъ Толье, Корне, Филисье, Бертрамъ. Мнѣ казалось что всѣ братья нашего ордена пришли погибнуть сегодня.

Медленно, неловко задѣвая за ступени, взошелъ на помостъ Жарди. Онъ не казался взволнованнымъ, но только какъ будто стѣсненнымъ всей необыкновенностью обстановки и тѣмъ вниманіемъ многотысячной толпы, которое приковывалось къ нему. Отросшіе, свѣтлые волосы безъ парика придавили ему трогательный почти дѣтскій видъ. Неуклюжесть одежды подчеркивала изящество манеръ. Я чувствовалъ какъ близокъ онъ—этотъ первый мой другъ въ Парижѣ. Въ эти нѣсколько минутъ цѣлый рой воспоминаній пронеслись въ моемъ мозгу съ яркостью дѣйствительности; наши первыя встрѣчи въ Версальскомъ саду; его свѣтлыя комнаты въ отелѣ Лармене; наши разговоры; его стихи, улыбки, письма, все, все.

И вмѣстѣ съ тѣмъ эти воспоминанья какъ то странно успокаивали меня и возвращали мнѣ столь необходимое самообладаніе. И когда по этимъ же роковымъ ступенямъ твердо и легко поднялась госпожа Монклеръ, моя возлюбленная,

прекрасная Монклеръ, я былъ уже совершенно спокоенъ; холодно встрѣтилъ я ея улыбку, конечно обращенную ко мнѣ, когда проходя мимо скамейки она почти задѣла мои ноги; какъ чужой слышалъ я ея голосъ нисколько не измѣненный.

«Вы не слишкомъ любезны, гражданинъ палачъ».

И только, когда всѣ тѣла друзей были уже опять уложены въ тачки, а палачи, вытерши кровь, закутывали адскую машину чехлами, я рѣшился вынуть платокъ, чтобы вытерѣть потъ, выступившій капельками на лбу и затылкѣ.

«Докторъ Гильотенъ позаботился не только о гигіенѣ и сокращеніи времени, но онъ не забылъ божественныхъ принциповъ эстетики. Вы не согласны гражданинъ?» — обратился ко мнѣ не безъ ироніи чиновникъ конвента, снимая очки и собирая свои бумаги.

«О, да сударь, онъ создалъ зрѣлище настолько же привлекательное, насколько и поучительное»—отвѣчалъ я съ живостью.

Уходя, я замѣтилъ Гавре, все еще съ вытянутой шеей стремящагося разглядѣть получше все происходившее.

Солнце багровѣло отъ вѣтра. Наскоро окончивъ свой убогій обѣдъ, я написалъ маленькую записку на розовомъ листочкѣ: «Возлюбленная

моего сердца! Вы были бы совсѣмъ не правы, упрекая меня въ невѣрности. Повѣрьте, никогда моя любовь не горѣла такимъ яркимъ пламенемъ. Ваши поцѣлуи жгутъ до сихъ поръ мои губы. Одно воспоминанье о вашей улыбки ввергаетъ меня въ трепетъ.

Любящій, вѣрный до гроба, горящій одной любовью, Вашъ Фраже

цѣлуетъ, клянется и молитъ.

N. B. Голубая маска съ сердцемъ пониже лѣваго глаза дастъ возможность отличить меня отъ другихъ масокъ желающей этого».

Запечатавъ письмо и надписавъ его: «госпожѣ Монклеръ», я положилъ его въ рѣзной ящичекъ, съ тайнымъ замкомъ, обитый внутри желтымъ бархатомъ къ уже цѣлому десятку совершенно такихъ же писемъ и потомъ, не зажигая огня, въ сумеркахъ, опять взялся за свои чертежи и вычисленія, такъ какъ еще на площади нѣкоторыя внезапно пришедшія мысли открывали мнѣ вѣрный путь къ доказательству такъ долго мучившей меня теоремы.

ВАЛЕНТИНЪ МИССЪ БЕЛИНДЫ.

СОРОКЪ ВТОРАЯ НОВЕЛЛА ИЗЪ ЗАНЯТНОЙ КНИГИ ЛЮБОВНЫХЪ И ТРАГИЧЕСКИХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

Уже почти годъ продолжались мои страданья; съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ впервые я увидѣлъ прекрасную Белинду, медленно проходящей по дорожкѣ, еще не просохшей отъ дождя, между прудомъ и зеленѣющимъ первой травкой лужкомъ, на которомъ паслись коровы, подозрительно поглядывающія на ее высокую прическу и шляпу. Въ рукахъ у нея, по модѣ, была длинная тросточка и лента, на которой покорно бѣжала левретка. Только лакей въ пышной ливреѣ сопровождалъ ее издали. Я такъ смутился, что, уступая ей дорогу гораздо болѣе, чѣмъ это было необходимо, попалъ ногою въ глубокую лужу и, обрызгавъ не только свой плащъ, но и ее темно-желтое съ розами платье, вызвалъ своей неловкостью улыбку, воспоминанье о которой еще и теперь приво-

дить меня въ неизъяснимое волненье. Кучеръ, ожидающій госпожу съ каретой у входа, на мой вопросъ гордо отвѣтилъ съ своихъ высокихъ козелъ:

«Сударь, эта карета принадлежитъ миссъ Белиндѣ Гриннъ, той самой, которая, какъ вамъ навѣрно извѣстно, играетъ въ Дрюреленѣ, удостаиваясь нерѣдко даже королевскаго одобренія».

Часто послѣ этого профессоръ эстетики, столь любившій меня прежде, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, съ горечью выговаривалъ мнѣ мое невниманіе и однажды я навсегда потерялъ его уваженіе, будучи пойманъ, какъ последній лѣнтяй, въ томъ, что вмѣсто лекцій заполнялъ уже пятую страницу своей тетради все однимъ и тѣмъ же милымъ, нѣжнымъ, тысячи разъ повторяемымъ именемъ.

Всю зиму, несмотря ни на какую погоду, самой желанной была для меня дорога отъ Оксфорда до «Золотого Козла», гдѣ я оставлялъ свою лошадь и откуда, наскоро пообѣдавъ и переодѣвшись, отправлялся въ Дрюреленъ, темными, всегда казавшимися мнѣ отъ нетерпѣнія слишкомъ длинными улицами, что бы весь вечеръ видѣть ее далекою и постоянно новою: то королевой Индіи, то лукавой Крессидой

или обольстительной Клеопатрой, въ этомъ съ сырыми пятнами бѣломъ залѣ.

И когда я возвращался домой въ такой темнотѣ, что только глубокія канавы по обѣимъ сторонамъ дороги не позволяли мнѣ сбиться съ пути, одна мечта о новомъ свиданіи наполняла мое сердце и твердое рѣшеніе въ слѣдующій же разъ хоть чѣмъ-нибудь заставить ее обратить вниманіе на себя утѣшало сладкой, хотя и лживой надеждой. Даже снѣгъ и вѣтеръ, срывающій шляпу, долго не могли охладить разгоряченное лицо.

Такъ проходили дни, смѣняя безнадежнымъ отчаяньемъ сладкую томность.

Часто прогуливаясь подъ сводами галлереи, огибающей абатство, не слыша криковъ играющихъ на дворѣ въ мячъ, имѣя видъ всецѣло погруженнаго въ чтеніе, я по цѣлымъ часамъ не перелистовалъ страницы и уносился мечтой въ далекій Лондонъ прекрасный но одному тому, что тамъ жила она.

Однажды еще за мѣсяцъ до дня Святого Валентина, какъ будто по внезапному вдохновенію у меня явилась дерзкая мысль добиться, хотя бы со шпагой въ рукѣ, перваго взгляда миссъ Гриннъ въ утро этого дня и тѣмъ самымъ по старому, прекрасному обычаю на цѣлый годъ оставить за собой имя ее Валентина.

Чѣмъ ближе приближался роковой день, тѣмъ эта мысль утверждалась во мнѣ все больше и больше и безповоротность такого рѣшенія дѣлалась для меня все очевиднѣй. Вѣтеръ съ моря согналъ снѣгъ и лошадь моя почти поколѣни увязла въ грязи, такъ что, выбравшись съ утра, я добрался до Лондона только къ сумеркамъ. Молодой тонкій мѣсяцъ на свѣтломъ еще розоватомъ небѣ, увиденный мною сквозь рѣдкія деревья дороги справа, предвѣщалъ удачу. До глубокой ночи проблуждалъ я по улицамъ города, замѣчая какъ постепенно сначала зажигались, а потомъ гасли огни въ домахъ видные сквозь щели ставень и какъ звѣзды мигали между быстро-проносящихся облаковъ на потемнѣвшемъ небѣ. Свѣтъ въ окнахъ говорилъ, что гости еще не разошлись, когда я наконецъ рѣшился подойти къ дому миссъ Гриннъ, а чуткое ухо улавливало даже взрывы смѣха и заглушенные звуки лютни.

Трещотка сторожа, слышимая издали, не приближалась, а рѣдкіе запоздалые, прохожіе, спѣша по домамъ не обращали на меня никакого вниманія. Я то проходилъ до угла узкой улицы и обратно, то садился въ тѣни противоположнаго дома на ступени высокаго крыльца, смотря на синія звѣзды, и имѣя главной заботой, что-бы скромный букетъ, стоившій мнѣ столькихъ

усилій, хотя и спрятанный подъ плащемъ, не погибъ отъ вдругъ наступившаго послѣ сравнительно теплаго дня ночного холода.

Уже нѣсколько разъ на колокольнѣ были отмѣчены звономъ часы не считаемые мною, когда наконецъ разскрылись двери и первые гости, сопровождаемые слугами съ фонарями вышли изъ дома миссъ Гринъ. Я не могъ разсмотрѣть ихъ лицъ, но ихъ голоса разносились въ чуткой тишинѣ звонко и отчетливо, когда они задержались нѣсколько минутъ на углу, продолжая начатый разговоръ. «Счастливый Пимброкъ, онъ останется у нея до утра».

«Ну этого счастья кажется были не лишены многіе. Не правда ли, сэръ?»

«Сегодня она показалась мнѣ прекраснѣе, чѣмъ всегда»

«Я всетаки нахожу, что въ ней нѣтъ настоящей страстности».

«Еще съ Бразиліи сэръ любитъ негритянокъ»!

«Мы увидимся завтра на утреннемъ пріемѣ?»

«Да, да! До завтра».

Прошло еще человѣкъ шесть въ темныхъ плащахъ и, наконецъ, двое послѣднихъ безъ слугъ, послѣ которыхъ привратникъ погасилъ фонарь у входа.

Они шли медленно и молча, только на углу прощаясь одинъ изъ нихъ сказалъ:

«Итакъ, ты думаешь, никакой надежды»?

«Я не понимаю тебя»—отвѣчалъ другой громко и сердито—«чего тебѣ нужно. Ты пользовался ее любовью дольше чѣмъ кто-либо. Она отпустила тебя почти не ощипаннымъ; чего ты хочешь отъ нея! это смѣшно!»

«Какъ забыть ея поцѣлуи, дорогой Эдмонтъ, какъ забыть ея искусныя ласки, которыми нельзя насытиться».

«Продажная тварь»—проворчалъ его другъ сквозь зубы. Невольно я сжалъ рукоять своей шпаги, оставаясь неподвижнымъ въ тѣни противоположнаго дома за перилами высокаго крыльца.

Такъ, не двигаясь, просидѣлъ я, вѣроятно, довольно долго судя по тому, что всѣ члены мои оцѣпенѣли отъ неподвижности.

Уже звѣзды поблѣднѣли и предразсвѣтный сумракъ, въ которомъ всѣ очертанія домовъ дѣлались странными и не знакомыми, смѣнилъ темноту, а пѣтухи перекликались тревожно и зловѣще, когда въ послѣдній разъ отворились гостепріимныя двери.

Сумерки позволили мнѣ разсмотрѣть его довольно хорошо, хотя и оставаясь самому незамѣченнымъ. На немъ былъ голубой плащъ и круглая шляпа; звонъ шпоръ говорилъ о его званіи. Навѣрно онъ также былъ красивъ, имѣя

прекрасный ростъ и стройную фигуру. Онъ шелъ утомленной походкой, насвистывая модную пѣсеньку.

Чтобы размять затекшія ноги, я много разъ прошелся отъ одного угла до другого, странно не испытывая никакого волненія, хотя уже приближался часъ, отъ котораго зависѣла моя участь.

Какъ только небо стало свѣтлѣть и на первый благовѣстъ потянулись богомольцы, я подошелъ къ дому миссъ Гриннъ и съ настойчивой увѣренностью постучалъ рукоятью шпаги.

Заспанный привратникъ въ сѣрой вязаной курткѣ, повидимому привыкшій ко всему, недолго разспрашивалъ о цѣли моего посѣщенія и покорно пропустивъ сквозь свѣтлыя сѣни, украшенныя тонкой работы лѣпными розовыми гирляндами, между которыми улыбались лукавыя лица, ввелъ меня прямо въ комнату, гдѣ я былъ встрѣченъ уже вставшей и присматривающей за уборкой служанокъ, очень пожилой особой весьма почтеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ противнаго вида. Кислыя возраженія, которыми она остановила меня, вскорѣ затихли, можетъ быть, благодаря золотой монетѣ, безъ словъ вложенной мною въ ея руку.

Я настойчиво попросилъ указать мнѣ комнату, непосредственно прилегающую къ спальнѣ

миссъ, заявивъ, что ничто не остановитъ меня въ моемъ намѣреньи видѣть ее обязательно первымъ изъ мужчинъ въ этотъ день. Старуха, что - то бормоча себѣ подъ носъ, повиновалась, не выражая особеннаго удивленія, и провела меня въ длинную узкую комнату съ однимъ окномъ въ глубинѣ, съ неубраннымъ столомъ и другими явными слѣдами ночного пира. Маленькая дверь съ тремя ступеньками была единственной, по словамъ старухи, въ спальню госпожи. Тутъ я провелъ остатокъ ночи или вѣрнѣе начало утра, прохаживаясь по комнатѣ со спокойствіемъ, даже изумляющимъ меня самого, и разсматривая прекрасныя, рѣдкія гравюры, которыми были украшены стѣны. Въ окно были видны деревья парка, часть пруда, трубы далекаго предмѣстья и небо, все больше розовѣвшее. Пастушка, каждый часъ выглядывающая изъ своего хорошенькаго домика къ томному пастуху, каждый разъ повторяющему одну и ту же мелодію, уже нѣсколько разъ дала возможность полюбоваться изяществомъ тонкаго механизма, а въ комнатѣ стало совсѣмъ свѣтло отъ невиднаго еще солнца.

Вѣроятно, было уже не слишкомъ раннее утро, когда, наконецъ, колокольчикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ, такъ хорошо знакомый мнѣ, позвали служанку въ спальню. Въ серебряномъ

тазикѣ пронесли воду для умыванія. Голоса безъ словъ доносились черезъ дверь.

Этихъ нѣсколько самыхъ послѣднихъ минутъ показались мнѣ чуть ли не длиннѣе всѣхъ долгихъ часовъ ожиданія. Наконецъ, выйдя и не закрывая двери, старуха сказала: «Войдите».

Скинувъ плащъ, я поднялся на три ступеньки и остановился у порога, ожидая приглашенія самой госпожи. Отъ розовыхъ плотно спущенныхъ занавѣсей было почти темно въ большой квадратной комнатѣ; затканый розами коверъ покрывалъ весь полъ; на розовомъ гобеленѣ были изображены цѣлыя сцены: охота, фонтанъ, цвѣты, птицы, и золотой амуръ, свѣсившись съ вѣтки смородины, напрягалъ свой лукъ, мѣтя въ сердце влюбленныхъ.

Миссъ Белинда сидѣла у зеркала въ утреннемъ, свободномъ платьѣ цвѣта граната. Не оборачиваясь ко мнѣ, она сказала: «ну войдите, дерзкій молодой человѣкъ, врывающійся силой по ночамъ въ чужіе дома. Повинуясь вашимъ угрозамъ просидѣть у порога моей спальни хоть до вечера, которыя дали поводъ Саррѣ предполагать въ васъ чуть ли не грабителя, я готова выслушать вашу просьбу.»

«Дорогая госпожа»—сказалъ я, не покидая порога: «я пришелъ только просить васъ подарить мнѣ первый вашъ взглядъ сегодня.»

«Ваша скромность дѣлаетъ вамъ честь»—со смѣхомъ воскликнула она, оборачивая ко мнѣ свое еще не нарумяненное, блѣдное лицо: «Впрочемъ, ее можно объяснить и вашимъ возрастомъ. Вашъ гувернеръ не ждетъ ли васъ у воротъ». Въ первый разъ видѣлъ я ее такъ близко послѣ первой нашей встрѣчи и никогда ея красота не приводила меня въ такое волненіе, какъ сегодня. Ея золотистые волосы небрежно перехваченные лентой, придавали ей видъ особой трогательности и невинности. Нѣсколько сухія, тонкія черты лица поражали почти дѣтской чистотой. Явная насмѣшка въ ея словахъ заставляла меня то блѣднѣть, то краснѣть, что къ счастью еще не было замѣтно въ полумракѣ.

«Такой хорошенькій и такой скромный мальчикъ. Право, это очень трогательно. Но что привело васъ ко мнѣ да еще въ такой не урочный часъ?»—добавила она уже нѣсколько ласковѣй.

Справившись со своимъ смущеньемъ, я отвѣчалъ:

«Я пришелъ, госпожа, чтобы предложить вамъ свои услуги въ качествѣ защитника и Валентина на цѣлый годъ, если вы пожелаете подчиниться старому обычаю.»

Она перестала улыбаться и, отвернувшись,

нѣсколько минутъ молча, будто чего то ища, перебирала на туалетномъ столикѣ: золоченые флаконы, еще не распечатанныя записки, маленькую развернутую книгу и потомъ, вставъ, сдѣлала ко мнѣ нѣсколько шаговъ и сказала совершенно серьезно даже нѣсколько печально:

«Итакъ, вы—мой Валентинъ. Я поручаю вамъ мою честь. Никогда, никто на весь годъ не будетъ предпочтенъ, если вы пожелаете сопровождать меня на прогулкѣ или въ театръ. Но больше, больше я ничего не могу обѣщать вамъ, мой маленькій Валентинъ».

«Я ничего больше не требую, госпожа»—сказалъ я, опускаясь на колѣно и церемонно цѣлуя протянутую мнѣ руку.

Нагнувшись, она медленно коснулась моего лба холодными губами, такъ привыкшими къ поцѣлуямъ страстнымъ и безстыднымъ.

Вошедшая служанка приготовила туалетъ для утренняго выхода и съ ласковой улыбкой, кивнувъ головой, миссъ Гриннъ отпустила меня радостнаго и гордаго.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

МѢСЯЦЪ НА УЩЕРБѢ.

I.

Перья тронулъ тихо вѣтеръ
Въ бѣломъ странномъ полуснѣ;
Тамъ за дверью темный сетеръ
Воетъ-грезитъ при лунѣ.

Всѣ преданья, суевѣрья
Вдругъ возникли предо мной;
Въ бѣломъ, лунномъ свѣтѣ перья —
Какъ невѣрный сонъ двойной.

Лебедь? Леда? Чары! Чары!
Сонъ былыхъ угасшихъ лѣтъ;
Тѣла воскъ нежданно-ярый —
Зыбкій, нѣжный, бѣлый свѣтъ.

Песъ нашъ воетъ въ корридорѣ
И вѣщаетъ намъ бѣду;
Въ свѣтломъ будемъ ли просторѣ
Иль во мракѣ и аду?

II.

Je vois un clair de lune amer.
M. Maeterlink.

Я вижу, горькая луна
Ползетъ, плыветъ изъ темныхъ тучъ;
И сердцу вновь печаль дана,
И въ сердцѣ снова горькій лучъ.

Желѣзный путь тебя увелъ
Въ страну измятыхъ бѣлыхъ розъ;
И снѣжный рой пушистыхъ пчелъ
Тебя метелью зимнихъ грезъ
Въ далекомъ теремѣ замелъ.

И я опять — одинъ, одинъ! —
Въ стеклѣ провижу блѣдный ликъ.
И въ комнатѣ погасъ каминъ,
А въ корридорѣ — злой старикъ,
Онъ бродитъ, бродитъ и ворчитъ,
И вѣщій сетеръ мой молчитъ.

III.

И вновь ты уходишь во мракъ,
Сіяя мечтой золотистой;
И мракомъ вѣнчается бракъ
Невинный, святой и пречистый.

И твой поцѣлуй на устахъ
Какъ ядомъ уста опаляетъ.
А мимо проходитъ монахъ
И молча, и строго киваетъ.

И блѣдный монахъ мнѣ знакомъ:
Мы вмѣстѣ плели наши сѣти:
Любили, влюблялись вдвоемъ,
Смѣялись надъ нами и дѣти.

Потомъ уходилъ онъ на мостъ
Искать незнакомки вечерней:
И былъ онъ безуменъ и простъ
За краснымъ стаканомъ въ тавернѣ.

IV.

Свиваются куделью алой
Любовь и Смерть въ единомъ снѣ,
И я съ подругою усталой
Качаюсь на сѣдой волнѣ.

И въ часъ предутреннiй, туманный,
Когда сомкнулися уста, —
Возникла — какъ вожатый странный —
Богорожденная мечта.

То смерть своей косой блеснула
Въ пожарѣ трехъ слѣпыхъ сердецъ,
И ядомъ нѣжности дохнула,
И засiялъ на мнѣ вѣнецъ.

V.

Ты возникла въ бѣлой пѣнѣ,
Золотая и нагая,
Опьяненная весной.
Въ часъ видѣній и томленій
Ты вѣнчалася со мной.
И твои уста шептали
Всѣ признанья, всѣ признанья
И мольбу.
А мои, мои печали
Я храню въ моемъ гробу.
Любишь? Любишь? Нѣтъ? Не знаю
Знаю, чаешь новый свѣтъ.
Въ тайномъ знакѣ угадаю
Твой отвѣтъ.

VI.

Прости! Опять иду въ туманъ!
Меня пьянитъ иной напитокъ.
И кровь моихъ червленыхъ ранъ
Не обагритъ твой бѣлый свитокъ.

На немъ начертаны слова
Былыхъ и мертвыхъ откровеній:
Моя волшебная трава
Не пробудитъ твоихъ волненій.

Отъ лунныхъ чаръ иду въ туманъ
Искать устами устъ тревожно;
Я новымъ чудомъ снова пьянъ,
И будетъ то, что невозможно!

VII.

Вѣнчанная крестомъ лучистымъ лань...

Вяч. Ивановъ.

О, лань моя съ влюбленными глазами,
Бѣглянка лунная съ лучистой головой!
Ты, оплетенная коварными сѣтями
И суевѣрною молвой.

Въ душистой заросли тебя подстерегая,
Съ любовью нахожу невѣрный слѣдъ.
Съ крестомъ на головѣ! Таинственно-святая!
Мечта моя! Мечты желаннѣй нѣтъ!

Я вижу: ты идешь, влачишь обрывки сѣти.
Кто вервіе накинулъ на тебя?
Ты — древній сонъ изъ канувшихъ столѣтій —
Уходишь вдаль, надежду вновь губя.

И я иду, соблазну вновь покорный,
И тщетно напрягаю лукъ.
Какъ дали мертвенны! Какъ всѣ дороги черны!
Какъ сладостны томленья темныхъ мукъ!

ЕВГЕНІЙ ИВАНОВЪ.

ВСАДНИКЪ.

НѢЧТО О ГОРОДѢ ПЕТЕРБУРГѢ.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ...
Того, кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой...
Ужасенъ Онъ въ окрестной мглѣ!

«Мѣдный Всадникъ». Пушкина.
7 Мая 18**

Homme sans moeurs et sans religion!
«Пиковая Дама» Эпиграфъ къ IV главѣ.

Рѣчь здѣсь идетъ о двухъ Всадникахъ города, сидящаго на водахъ многихъ рѣки Невы и ея протоковъ, вливающихся въ море.

Одного изъ Всадниковъ Пушкинъ назвалъ «Мѣднымъ Всадникомъ».

Пойдите къ Нему въ бурю, вглядитесь въ Его Звѣря-Коня, который точно несется на васъ, бурей, съ вершины скалы, вглядитесь въ сидящаго на Звѣрѣ-Конѣ Гиганта; въ Его лицо, въ Его недвижный взоръ, въ Его открытую на васъ ладонь десницы, вглядитесь особенно въ пору бури ночной, когда еще за Нимъ луна

встанетъ,—силенъ Онъ какъ смерть, — черенъ какъ бездна.

«Ужасенъ Онъ въ окрестной мглѣ».

А за Нимъ, за «Всадникомъ Мѣднымъ», — другой, «Всадникъ Блѣдный»: онъ оглушенъ шумомъ внутренней тревоги, его смятенный умъ не устоялъ противъ ужасныхъ потрясеній петербургскихъ наводненій,—оттого онъ и блѣдный.

Онъ—Всадникъ, но сидящій не на звѣрѣконѣ, а на звѣрѣ мраморномъ верхомъ, на одномъ изъ «львовъ сторожевыхъ», стоящихъ надъ возвышеннымъ крыльцемъ углового дома на площади Петровой.

Его Пушкинъ «Евгеніемъ» назвалъ въ своей «Петербургской повѣсти».

На звѣрѣ мраморномъ верхомъ
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній... Вкругъ него
Вода и больше ничего...
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Такъ «Всадникъ Блѣдный» слѣдуетъ за «Всадникомъ Мѣднымъ».

Оба они стоятъ на площади Петровой надъ водами многими.

У города нашего есть тайна и она въ бурю явнѣе становится.

Въ бурю-наводненіе нашъ городъ сидитъ на водахъ, звѣремъ вздыбившихся подъ нимъ, вздыбившихся какъ конь подъ «Мѣднымъ Всадникомъ».

И не отъ этого ли подобія съ «Мѣднымъ Всадникомъ» тайна города явнѣе выступаетъ на челѣ его.

«Пойдемъ, я покажу тебѣ судъ надъ Великою Блудницею, сидящею на водахъ многихъ», — говорится въ 17-ой главѣ Апокалипсиса.— «И повелъ меня въ духѣ въ пустыню, и я увидѣлъ жену, сидящую на звѣрѣ... и на челѣ Ея написано: Тайна, Вавилонъ Великій»...

Не блудница ли эта нашъ городъ, сидящій на водахъ многихъ, со Всадниками своими, сидящими въ немъ на звѣрѣ и на водахъ многихъ, какъ выше описано во время наводненія?..

И кто хочетъ видѣть судъ надъ Нею, тотъ ведется въ духѣ бури на пустынную площадь или на пустынную вершину скалы, гдѣ Всадникъ стоитъ, и видитъ онъ Блудницу и тайну на челѣ ея, и судъ надъ нею въ тайнѣ

Ея. Каковъ судъ—такова и судьба и Ея, и наша и нашего города со Всадниками его.

Ни во снѣ ль все это вижу?

Ни сонъ ли это Всадника, который снится Ему вотъ уже третье столѣтье, съ тѣхъ поръ какъ остановился Онъ, случайно, въ густомъ невѣдомомъ лѣсу средь мшистыхъ топкихъ береговъ рѣки Невы, вливающейся въ море.

И это не городъ кругомъ шумитъ, а лѣсъ... И вотъ, вотъ перейдетъ шумъ города въ шумъ лѣса и Всадникъ, вздрогнувъ, проснется: но не переходитъ городской шумъ въ лѣсной; по прежнему стоитъ Мѣдный Всадникъ на скалѣ и грезитъ; и взоры Его, «недвижно на край одинъ наведены» какъ взоры Евгенія Всадника Блѣднаго.

— Что жъ это за край?

— Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки...

Здѣсь, въ бурѣ, тайна города Блудницы, сидящей на водахъ многихъ, сидящей на Звѣрѣ, и въ этой тайнѣ загадка нашихъ Всадниковъ, двухъ сфинксовъ нашего времени.

— И кто разгадаетъ эту загадку!

— Пушкинъ.

— Но Пушкинъ умеръ и унесъ съ собою въ могилу великую тайну, и вотъ мы всѣ призваны ее разгадывать. (Достоевскій).

И вотъ длинныя задумчивыя улицы, и погруженныя въ «прозрачный сумракъ» бѣлой-блѣдной ночи «молчаливыя громады» домовъ приняли манерныя позы, какъ статуи въ «лѣтнемъ саду», и стекла домовыхъ оконъ, отражая блѣднѣющее небо, кажутся глазами, которыя закативъ, смотрятъ дома... въ непомѣрную высь,

«Тамъ гдѣ куполъ вечернюю принялъ зарю»
«Пустынны улицы и свѣтла Адмиралтійская игла»...

Но тревога поднимается во мнѣ въ такую ночь, а вдругъ эти глаза домовъ совсѣмъ подъ лобъ зайдутъ, такъ что и зрачковъ не видать, какъ у мертвецовъ, и скроятъ рожи.

Что-то полубезумное, полупророческое въ этомъ прозрачномъ полусвѣтѣ бѣлыхъ ночей и что-то блудное—блуждающее.

Въ такую ночь блуждалъ и я, блуждалъ, машинально, куда глаза глядятъ, «не разбирая дороги», останавливаясь на перекресткахъ улицъ передъ иными домами, на площадяхъ и мо-

стахъ. Меня точно тянула какая то невѣдомая сила, которую я никакъ не могъ объяснить себѣ, но которой повиновался въ мучительномъ напряженіи и тоскѣ.

Такъ порой вы не можете объяснить себѣ, что за тревожное чувство заставляетъ васъ оглянуться и, только оглянувшись, видите вперившійся въ васъ тяжелый взглядъ.

Я чувствовалъ, что на меня напряженно смосмотрятъ, но я не зналъ, чьи это глаза, и шелъ, шелъ, не разбирая дороги, какъ Евгеній, шелъ, куда глаза эти глядѣли.

И вотъ съ Петербургской стороны увидѣлъ городъ, сидящій на рѣкѣ-звѣрѣ, — городъ, эту Блудницу Великую, сидящую на звѣрѣ, на водахъ многихъ.

Горѣли окна домовъ, глядя на всенощную зорю, огнемъ пожара ли, бала ли Великой Блудницы, разгорѣвшагося во всѣхъ этажахъ: и не огонь ли это багряный глазъ Звѣря багрянаго, на которомъ сидитъ Блудница, который въ такую ночь такъ тихъ и ласковъ, такъ нѣжно лижетъ гранитныя колѣни Сидящей на немъ языкомъ своихъ волнъ.

Кстати, по латински слово «lupa» значитъ вмѣстѣ и звѣрь—волчица и блудница...

Глядѣлъ я на эту Красавицу Всадницу си-

дящую на звѣрѣ — водахъ многихъ и вдругъ вздрогнулъ весь.

Мелькнулъ за мной, какъ тѣнь, огромный звѣрь-конь, и у сидящаго на немъ въ бронзовомъ лицѣ глаза огнемъ багрянымъ горѣли и глядѣли

И понялъ я, чьи глаза томили меня тревогой...

И пошелъ я на площадь къ нему взглянуть, не осталась ли скала пуста безъ Всадника, носящагося по городу, и лишь змій по прежнему вползаетъ на вершину скалы, да еще осталось два слѣда отъ стоящихъ здѣсь копытъ коня.

Но, выйдя на площадь, увидѣлъ я Всадника по прежнему, стоящаго съ конемъ своимъ на вершинѣ, надъ водами многими и кругомъ него растянулось безконечное утро бѣлой ночи.

Полный все той же непонятной «сумрачной заботой» я уже шелъ домой, какъ вдругъ вниманіе мое привлекло нѣчто.

На одномъ изъ «мраморныхъ львовъ», стоящихъ у крыльца углового дома на петровой площади, кто то сидѣлъ блѣдный, блѣдный...

Онъ сидѣлъ безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ, съ глазами недвижно наведенными на край одинъ за рѣку...

Былъ ли это какой нибудь сумасшедшій, которому пришла въ такую ночь нелѣпая мысль

сѣсть верхомъ на мраморного льва, или почудилось мнѣ Петербурское видѣніе Блѣднаго Всадника, ѣдущаго за Мѣднымъ, только вскрикнулъ я отъ ужаса и стремглавъ бѣжать пустился: всадникъ то на меня былъ похожъ...

И какъ бѣжалъ я, все видѣлъ, что кругомъ съ домами красавицы-столицы, Блудницы, неладное дѣлается... что они какъ то вытянулись, окостенѣвъ, и глаза свои совсѣмъ завели подъ лобъ: не видно зрачка какъ у мертвеца: и, вдругъ прищурившись, усмѣхнулась Блудница (городъ нашъ), какъ «Пиковая Дама» Германну.

«Необыкновенное сходство поразило его»

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

«Ужасенъ Онъ въ окрестной мглѣ!

«Тройка, семерка, Дама»!

«Три карты, три карты, три карты»

«Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, тузъ!»

«Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ, въ 17-омъ нумерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и бормочетъ необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!»

Кстати, число 17-ть—число Петербургское: глава Апокалипсиса, въ которой говорится о сидящей на водахъ многихъ сидящей на звѣрѣ, Блудницѣ, — глава 17-ая; вышина «Мѣднаго Всадника» — $17^1/_2$ футовъ, и вотъ нумеръ, въ которомъ Германнъ сидитъ — 17-ый нумеръ: «Семерка» участвуетъ.

«Германнъ это колоссальный типъ петербургскаго періода» (Достоевскій). Въ его лицѣ есть нѣчто такое, что въ лицѣ Мѣднаго Всадника видимъ, но его потомъ «Блѣдный Всадникъ» одолѣлъ.

У Германна какъ у Евгенія
... Смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ...

Да и кто вполнѣ устоитъ неколебимо противъ наитія Петербургскихъ потрясеній, развѣ Тотъ, у кого тѣло изъ бронзы.

Гигантъ съ простертою рукою.

Помните ночь изъ «Пиковой Дамы», въ которую Германнъ является убійцей старухи графини, хотя и невольнымъ.

«Homme sans moeurs et sans religion»!

«Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ графини. Погода была ужасная: вѣтеръ вылъ, мокрый снѣгъ

падалъ хлопьями: фонари свѣтились тускло; улицы были пусты...

Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга».

У кого тѣло изъ бронзы, тотъ тоже стоитъ, не чувствуя «ни вѣтра, ни снѣга» и конь его на скалѣ вздыбился у самой бездны. «Homme sans moeurs et sans religion!»

«У этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!»—вспомнились слова, сказанныя про Германна.

«Утро наступало: блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату (комнату воспитанницы графини «Пиковой дамы»)... Германнъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурившись. Въ этомъ положенiи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона»... И, конечно, въ этомъ внѣшнемъ сходствѣ съ Наполеономъ нельзя не узнать сходства съ Тѣмъ, «кто неподвижно возвышался во паркѣ мѣдною главой!»

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ наступающаго блѣднаго, какъ бѣлая ночь, утра, ужасенъ этотъ Германнъ.

И вотъ, странно, ну что общаго между Германномъ, похожимъ, какъ мы сейчасъ говорили на портретъ Наполеона, похожимъ на бронзовую фигуру Мѣднаго Всадника, что общаго между Германномъ и какимъ нибудь Евгенiемъ,

сидящимъ верхомъ на мраморномъ львѣ, «руки сжавъ крестомъ»; но вотъ вспоминается же этотъ Блѣдный Всадникъ, тѣмъ болѣе что у Германна, сидящаго на окошкѣ въ блѣдныхъ лучахъ наступающаго утра, руки тоже сжаты крестомъ. «Три карты, три карты, три карты»! «Ночь была ужасная»... Пишетъ Достоевскій въ своемъ петербурскомъ разсказѣ «Двойникъ»:—

«Вѣтеръ вылъ въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колецъ черную воду Фонтанки... Шелъ дождь и снѣгъ разомъ... Хотя снѣгъ, дождь и все то, чему даже имени не бываетъ, вдругъ аттаковали и безъ того убитаго несчастіями господина Галядкина, сбивая съ пути и съ послѣдняго толку, несмотря на все это, господинъ Галядкинъ оставался почти не чувствителенъ къ этому послѣднему доказательству гоненія судьбы... Гдѣ то далеко раздался пушечный выстрѣлъ: «Чу, не будетъ ли наводненія? Видно вода поднялась слишкомъ сильно». Только что сказалъ или подумалъ это господинъ Галядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему навстрѣчу прохожаго»—это и былъ его призрачный отвратительный «двойникъ». Эти пушечные сигналы наводненія вызываютъ тѣнь Всадника.

Галядкинъ тоже «колоссальный типъ петер-

бургскаго періода». И если въ Германнѣ «Всадникъ Мѣдный», то какъ въ Галядкинѣ господинѣ, не узнать все того же бѣднаго-блѣднаго Евгенія, «оглушеннаго шумомъ внутренней тревоги», котораго «смятенный умъ не устоялъ противъ ужасныхъ потрясеній» петербургскихъ «наводненій».

Галядкинъ въ роковую для него ночь также остается нечувствителенъ къ атакующимъ его вѣтру снѣгу и дождю, какъ и Блѣдный Всадникъ, Евгеній, сидящій «на звѣрѣ мраморномъ верхомъ».

«Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.

И образъ одного Всадника, вызываетъ образъ другого, вмѣстѣ съ надвигающимся наводненіемъ.

И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Это двойники нѣмую бесѣду ведутъ.

Вы замѣтьте, какое сходство въ описаніи по-

годы петербургской роковой для Германна ночи и роковой для Галядкина

Повидимому, ни Германнъ съ Галядкинымъ, ни Галядкинъ съ Германомъ ничего общаго не имѣютъ, но ихъ роднитъ сумасшедшая петербургская хмара, «погодка» съ поднимающимся наводненіемъ. И какъ въ Германнѣ образъ Всадника Мѣднаго вызвалъ образъ Всадника Блѣднаго, такъ въ Галядкинѣ образъ Всадника Блѣднаго (Евгенія) вызвалъ образъ Всадника Мѣднаго.

Ибо Всадники — двойники и какъ зарницы они ведутъ нѣмую бесѣду межъ собой.

И замѣчательно, что, именно, въ такую же ночь какъ вышеописанная роковая для Германна и Галядкина, въ такую же ночь въ «петербургской повѣсти» Пушкина «Мѣдный Всадникъ», Евгеній-безумецъ узнаетъ двойника своего Всадника Мѣднаго,

Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было
Дождь капалъ: вѣтеръ вылъ уныло
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной
Перекликался часовой
Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ

И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него
И львовъ и площадь и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой
Ужасенъ Онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда, ты, скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

И вотъ приходитъ навязчивая мысль; можетъ, отъ того и роковыми стали для Германна и Галядкина ночи, роковыя для нихъ, что Евгеній, Всадникъ Блѣдный въ такую ночь узнаетъ тамъ на площади Всадника Мѣднаго.

Городъ нашъ—Великая Дама, Блудница, сидящая на водахъ многихъ рѣки Невы и ея протоковъ, вливающихся въ море, Великая Блудница, сидящая на звѣрѣ и на челѣ Ея, какъ на челѣ сидящихъ на звѣряхъ Всадниковъ Ея, написана «тайна»

И вотъ мы всѣ призваны эту тайну разгадывать.

И какъ Германнъ, проникшій въ спальню графини «Пиковой Дамы», стою передъ горо-

домъ нашимъ и Всадниками его и умоляю: Откройте вашу тайну!

— Вы можете составить счастье моей жизни, я знаю вы можете угадать три карты сряду... Откройте мнѣ вашу тайну, что вамъ въ ней? Можетъ быть она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ...

— Я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу.

Откройте мнѣ вашу тайну!»

Такъ спрашиваютъ о тайнѣ городъ нашъ и Всадниковъ его, когда надъ ними бушуетъ буря—наводненіе, завывая въ трубахъ и въ проулкахъ, и точно разсерженная хозяйка захлопывая съ размаха не запертыя двери и окна чердаковъ.

Въ такую бурную ночь Германнъ спрашивалъ «Пиковую Даму» объ ея тайнѣ и въ такую ночь Евгеній узналъ того, кто неподвижно «возвышался во мракѣ мѣдною главой». Въ такую бурную ночь лицо Мѣднаго Всадникъ, внезапно «гнѣвомъ возгоря», обратилось къ вставшему передъ нимъ двойнику, блѣдному Всаднику и Мѣдный погнался за Блѣднымъ Евгеніемъ и осталась пуста скала; лишь змій по прежнему вспользалъ, да еще остались два слѣда отъ копытъ коня.

И спрашивая о тайнѣ Великую Блудницу нашу, я боюсь какъ бы не произошло бы то же, что мнѣ причудилось въ лѣтнюю бѣлую ночь. Какъ бы Блудница Великая красавица не оказалась бы «Пиковой Дамой. На игральной то картѣ Пиковая Дама — красавица, но вдругъ «Пиковая Дама прищурилась и усмѣхнулась».

«Необыкновенное сходство поразило его».

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Но что же сей сонъ означаетъ? Все это похоже на сонъ, все это точно сонъ Мѣднаго Всадника; что сей сонъ означаетъ?

Я не знаю что сей сонъ означаетъ.

Я не знаю въ чемъ тайна, но я вѣрю, что тайна Великой Блудницы, сидящей на звѣрѣ и на водахъ многихъ, не въ смерти ея и безуміи, что грядетъ съ моря какая то невѣдомая буря —наводненіе, и ее первая встрѣтитъ Блудница съ двумя одержимыми всадниками на берегу.

«И наведетъ Господь вȯды рѣки бурныя и большія; и поднимется она во всѣхъ протокахъ своихъ и выступитъ изъ всѣхъ береговъ своихъ... и распростертіе крыльевъ ея будетъ во всю широту земли твоей, Еммануилъ!» (Исаія. 8 гл.; 7—8 ст.).

Имя же послѣдней Бури—Марія Дѣва, чреватая Христомъ грядущимъ съ моря, и сковалъ

Всадника «желѣзный сонъ» и во снѣ ему какъ Іосифу сказано: «не бойся принять Марію — Бурю, ибо родившееся въ ней есть отъ Духа Святаго».

И, встрѣтивъ бурю Марію, проснется Всадникъ.

Тогда ужъ пройдетъ оглушенность шумомъ внутренней тревоги и уже Всадникъ Мѣдный не будетъ гоняться за вглядѣвшимся въ него «Блѣднымъ» Евгеніемъ.

Но прежде должно быть то, что есть, и Всадники должны породниться.

И какъ двое бѣсноватыхъ у моря вышли навстрѣчу къ грядущему съ моря Христу и исцѣлились, такъ и двое всадниковъ нашихъ выдутъ къ морю на встрѣчу Ему, грядущему въ бурѣ съ моря.

И встанетъ рѣзвое лицо, чаемое въ рѣзвомъ плескѣ весенне синихъ водъ и рѣзвомъ блескѣ синихъ небесъ и въ рѣзвомъ запахѣ петербургской воды и мокрой щепы.

— —

НИКОЛАЙ ГЕ.

БѢЛАЯ НОЧЬ И МУДРОСТЬ.

Идешь въ бѣлую ночь, смотришь... Прозрачно странно въ воздухѣ, прозрачно странно въ самомъ себѣ... Прозрачно и недвижно. Словно уже перешелъ чѐрезъ какую-то грань, можетъ быть через страшное, дѣтское распинательство... и вотъ теперь уже ничего нѣтъ и Стыднаго больше нѣтъ. Прозрачно, тихо и недвижно.

Бѣлая ночь есть бездонное, неуловимо пронзительное созерцаніе. Глубочайшее въ мірѣ, обнаженно живое и стыдное—это живая ночь бытія, то, чего не знаетъ день. Но бѣлая ночь есть обращенная, иная ночь; въ бѣлой ночи постигаются глубины, но постигаются не живо, а зіяюще, и нѣтъ стыда, а лишь прозрачная недвижность. Ибо воспринимаются глубины не—живой душой, а уже душой обращенной, бѣлоночной.

Бѣлая ночь есть мудрость. Мудрость не мысль: мудрость есть обращенное чувство. Пролитая кровь дѣлается духомъ («кровь есть духъ»), пронзенное чувство обращается въ мудрость.

Въ мудрости есть то же бездонное созерцаніе и пронзительность, какъ и въ неуловимо пронзительной бѣлой ночи.

Глубочайшимъ выраженіемъ мудрости является ликъ Христа, висящій во второй отъ входа комнатѣ иконнаго отдѣленія музея Александра (вверху, на средней стѣнѣ, № 231). Блѣдный, желтовато сѣрый въ обрамленіи гладкихъ, темноватыхъ волосъ, легшихъ тремя крупными кольцами на правое плечо, начертанный тонкими, рѣзкими линіями, и немного словно пустой между этими линіями, онъ смотритъ странными, подведенными двумя подрѣзами, недвижными глазами. Странное выраженіе этого лица, этихъ глазъ... въ немъ есть что-то непреложное, выпукло страшное, а съ другой стороны что-то пронзительное, ѣдкое словно насѣкомовидное...

Я гдѣ то видѣлъ подобное выраженіе; гдѣ я его видѣлъ? Не на рисункѣ ли, автопортретѣ Винчи? — нѣтъ, это мнѣ только показалось. Вотъ гдѣ: на одномъ странномъ портретѣ царя Петра, не похожемъ на другія его изображенія. На этомъ портретѣ лицо его очень московское... и тоже эти складки подъ глазами... и выраженіе какое то дряблое и вмѣстѣ пронзительное. Впрочемъ, въ ликѣ не совсѣмъ то.

Въ чемъ тайна этого лика? Почему этотъ

страшный, холодный, безжалостный ликъ есть Христосъ?—Въ ликѣ этомъ есть какая то безконечная пронзенность, вотъ почему. Въ этомъ взорѣ есть что то ужасно страшное, въ немъ словно живетъ какое то страшное пронзенное насѣкомое... (Это мое личное чувство, быть можетъ оттого, что я видѣлъ ожившихъ насѣкомыхъ на булавкахъ и ужасно боялся ихъ). Эта безконечная пронзенность она дала глубочайшую мудрость, послѣднее жало чувства, но вмѣстѣ и безстрастность.

Бываютъ заостренія чувства, когда чувство словно исчезаетъ. Этотъ ликъ не ужасается и не страждетъ, но въ немъ самый большой ужасъ и самое страшное страданіе. Чувство перешло въ мудрость, кровь сдѣлалась духомъ. Но самая страшная глубь чувства осталась.

Вѣрующіе въ этотъ ликъ чувствуютъ ли любовь къ нему?—если и да, то совсѣмъ особую. Бываетъ, что страждущій такъ сильно страждетъ, что его же не жалко. Бываетъ такъ мучительно жалко, что уже не жалко. Тутъ самое чувство, самая человѣчность побѣждены. Перенесшіе это, словно переходятъ уже черезъ какую то грань... Для нихъ перестаетъ различаться добро и зло. Въ этомъ распятіи человѣчности, въ этой послѣдней жестокости они

чувствуютъ достиженіе безсмертья и свободы. Здѣсь они утверждаютъ высшее, якобы Божеское «Все позволено».

Передъ этимъ ликомъ—Ставрогинъ и Нитче, но ликъ глубже и могущественнѣе ихъ. Нитче отвернулся. Ставрогинъ окаменѣлъ съ твердымъ взглядомъ. Ликъ все до глубины почувствовалъ, пронзился и побѣдилъ.

Передъ этимъ ликомъ Иванъ Карамазовъ. Возвращеніе билета. Ликъ безмолвствуетъ.

— —

Мудрость есть плодъ страшнаго пронзенія Распятіемъ, но отъ этого пронзенія душа можетъ свихнуться, сжечься, перестать чувствовать различіе между добромъ и зломъ. Итакъ плохо быть только мудрымъ. Высшая мысль есть іезуитство; мудрость, если это только мудрость, тоже проклята.

И конечно невѣроятный ликъ и его страшная глубь нечувствующаго чувства есть лишь идеалъ, лишь образъ... Мудрые, только мудрые не таковы. Можетъ одинъ разъ, при своемъ прощеніи приближаются они къ этой глуби... и затѣмъ, если впадаютъ въ только мудрость, то впадаютъ уже въ зеркальность, въ омертвѣніе, въ какую то странную полуничтожность. Дѣлаются полулюдьми, полузеркальными призраками.

Изъ только мудрости два исхода (можетъ быть, не только эти два...) одинъ въ человѣчность, въ слабость... другой къ внутреннему озаренію голубиной кротостью. (Я не знаю какой лучше). Пуста, недвижна и жутка бѣлая ночь... но вотъ она начинаетъ чуть чуть алѣть и оживать, оставаясь все еще бѣлой ночью. Святой предразсвѣтный часъ осѣняетъ міръ; невыразимый, чистый запахъ разлитъ въ убѣленномъ воздухѣ. Тихо и свято душѣ... это святая тишь передъ восходомъ солнца.

Такая предразсвѣтная святость и бѣль есть въ нѣкоторыхъ вещахъ, гдѣ мудрость внутренно озаряется чистымъ голубинымъ чувствомъ. Таковы, напримѣръ, вещи Александра Иванова. Здѣсь новое чувство, облагороженное, но уже не романтически облагороженное... Здѣсь новая, разсвѣтная святость. Но все же какъ это ни хорошо, оно не можетъ заставить забыть грусть романтическаго, католическаго заката и сладкаго часа Ave Maria. Разсвѣтная святость такъ же хороша, но не болѣе хороша; въ ней есть иное, но нѣтъ того.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

ШАМАНЪ.

Прощай, прощай, великая Тайга!
Твой многоликій сонъ храню въ душѣ
ревниво.
На-вѣкъ во мглѣ застыли берега;
Олени бродятъ молчаливо;
Шаманскій плясъ и пепелъ камелька;
Якутскій говоръ—рѣчь полуслѣпая:
Тамъ черная любовь свободна и легка!
Покинулъ я тебя, страна святая!

Но и здѣсь, въ чужой странѣ
Вновь Тайга приснится мнѣ.

Буду, буду долго вѣрить
Въ сказки темныя Тайги,
Гдѣ святые бродятъ звѣри,
Гдѣ шуршатъ во мглѣ повѣрій
Непонятные шаги.

Изъ пустыни темноликой
Прихожу на площадь нищій:

Нѣтъ ни крова мнѣ, ни пищи.
Я одинъ въ тоскѣ великой.

Пиръ на улицахъ—какъ тризна:
Пиръ для ратниковъ и стражи.
Вся въ крови, въ крови отчизна,
Станъ дымится темный вражій.

Ты возникъ, о Змѣй-Драконъ,
На краю моей пустыни.
Я пришелъ къ тебѣ. И нынѣ
Будешь мною побѣжденъ.

Слушай, слушай, Городъ-Змѣй!
Буду бубномъ ворожить,
Въ пляскѣ огненной моей
Буду костью въ бубенъ бить.

Твердой дробью твердыхъ рукъ
Выбиваю звонкій звукъ
Все скорѣй, скорѣй, скорѣй,
Звонче, громче и смѣлѣй!

———

Но въ часъ послѣдняго гаданья
И въ часъ послѣдней ворожбы,
Подруга чернаго желанья
Услышитъ тайныя мольбы.

И будетъ вновь моя подруга
Со мной шаманить до утра:
О, трепетъ томнаго недуга!
Коснись меня! Коснись... Пора...

И совершилися заклятья,
И снится мнѣ моя Тайга,
Шаманки темныя объятья
И новой воли берега.

И теперь со мной она
Ночью долгою шаманитъ,
И когда скользитъ луна,
Сердце бубномъ властно ранитъ.

По улицамъ буйнымъ
Брожу неустанно
Съ бубномъ шаманскимъ.
Зарю встрѣчаю,
Зарю встрѣчаю
Крикомъ шаманскимъ,
Крикомъ крылатымъ.

И звонкимъ хуромъ
Людей зову
Вихрю навстрѣчу.
Глупцы—трезвы;

Оюны—пьяны,
Какъ солнце,
Какъ солнце,
Что крови причастно.

Шаманы—оюны,
Ударьте по струнамъ;
При звукѣ хура
На небѣ хмуромъ
Родятся звѣзды.

Вѣщій орелъ!
Ты первый
Шамана зачалъ,
Бѣлыя перья
Обагрилъ кровью.

Прилетай, орелъ,
На пиръ...
Спитъ драконъ.
Выклюй, орелъ,
Ненавистныя очи.

Бѣгутъ люди
Съ огнемъ въ рукахъ.
Клектомъ орлинымъ
Пѣсня звучитъ.

Изъ темныхъ столѣтій
Идите, дѣти
Бубну въ ладъ.

Солнце обратилось къ инымъ временамъ.
Горятъ, догораютъ дворцы.
Разбиты дома, гдѣ жили блудницы.
Чернымъ вихремъ несется народъ.
Рѣка пылаетъ кровью.
Алтари повержены въ храмахъ.
И на крыльяхъ ночи багряныя пятна.
Чернымъ вихремъ мчится народъ
По червленой дорогѣ.

Постойте! Постойте на мигъ!
Послушайте пѣсню шамана.
Еще не пролетѣли мимо Солнца вѣщуньи-птицы;
Еще не чернѣетъ на горизонтѣ распятье...
Постойте! Постойте на мигъ!
Послушайте пѣсню шамана.

Свершились великія печали;
Руки не омыты виномъ;
На губахъ запеклась кровь;
Пусть утренняя звѣзда не встрѣтитъ васъ трезвыми;

Пусть Богородица не посмотритъ укоризненно;
Пусть убитые попы не поднимутся;
Пусть не возникнетъ блѣдное смущенье...
Постойте! Постойте на мигъ!
Послушайте пѣсню шамана.

Въ пляскѣ—спасенье! Въ пляскѣ!
Берите бубны и хуры.
Пляшите, пляшите!
Какъ бывало, въ темной Тайгѣ,
Вокругъ бѣлаго камня...
И вы предвѣчно тамъ были!
Ахъ, какъ весело встрѣчать зарю,
Весеннюю зарю
На червленой дорогѣ...

Вòроны вѣщаютъ побѣду;
Орелъ кличетъ Солнце;
Гагары роютъ землю
Желѣзнымъ клювомъ...
А люди пусть пляшутъ,
Пусть пляшутъ
Подъ бубенъ веселый,
Подъ мой бубенъ веселый.

Твердой дробью твердыхъ рукъ
Выбиваю звонкій звукъ.

Все скорѣй, скорѣй, скорѣй,
Звонче, громче и смѣлѣй...

Костью въ бубенъ звонко бью,
Душу Солнцу отдаю.
Дадага-хара-дарханъ!
Каплетъ кровь изъ темныхъ ранъ.

Въ небѣ яростный кузнецъ,
Золотой на немъ вѣнецъ:
Дадага-хара-дарханъ —
Темноогненный шаманъ.

Въ небѣ хуромъ ворожитъ,
Тяжкимъ молотомъ стучитъ,
Солнцемъ-бубномъ яро-пьянъ
Дадага-хара-дарханъ.

М. Кузминъ.

КАРТОННЫЙ ДОМИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Кто же вошелъ третьимъ?»

— Никого: насъ двое.

«Милая Маня, у тебя двоится въ глазахъ отъ волненья».

Вошедшіе два господина въ чѣмъ-то одинаковыхъ, не смотря на разность цвѣта, костюмахъ были охвачены яркимъ для небольшой въ видѣ корридора съ четырьмя зеркалами комнаты свѣтомъ пяти лампочекъ, говоромъ, крикомъ, носящейся пудрой, дымомъ папиросъ.

Сидѣвшая передъ зеркаломъ, гдѣ на розовой ленточкѣ, будто у дѣвичьей постели, висѣлъ образокъ «Взысканіе погибшихъ», кричала въ пространство, не поворачивая головы и накладывая на вѣки синюю краску:

«Пелагея Петровна, голубушка, готова пелеринка для «Напраснаго Путешествія»? Поторопитесь!»

Черезъ стѣнку гдѣ то отвѣчали издалека.

Искусственно восторженные непривыкшіе къ небольшому помѣщенію голоса снова хоромъ защебетали на встрѣчу высокой блондинкѣ съ красивымъ, сухимъ и ординарнымъ лицомъ.

«Надя! сколько лѣтъ, сколько зимъ! правда ли? ты насъ бросаешь? ты больше не играешь?»

— Надежда Васильевна изволитъ капризничать, — замѣтилъ длинноносый господинъ со скучнымъ лицомъ.

«Вовсѣ нѣтъ. Вы не знаете, Олегъ Фелисксовичъ, какъ было дѣло. Вы помните начало сцены: я вхожу со словами: добрый вечеръ, дорогая фру Текла. Варвара Михайловна сама мнѣ говорила...»

— Еслибъ на генеральной у меня отняли роль, я бы не знаю, я бы въ Мойку бросилась! — истерически докладывала сидящая у зеркала.

Раздавались звонки по корридорамъ, гдѣ стихалъ шумъ, занавѣски раздувались.

«Вчера мы катались съ горъ, я не замѣтила, какъ отморозила ухо; только дома узнала, что было 23 градуса».

— Отчего вы такимъ имянинникомъ?

«Я получилъ очень пріятное извѣщеніе, что скоро сюда пріѣдетъ мой другъ Мятлевъ изъ Москвы».

— Да? и скоро? —

«Очень: завтра жду».

— Вы очень рады?

«Конечно: я ему — большой другъ».

«Забавно, что мнѣ уже сегодня представилось, что вы вошли ко мнѣ втроемъ.»

— Это напоминаетъ старую арію—замѣтилъ старшій изъ двухъ въ желтомъ жакетѣ:

«Если двухъ влюбленныхъ встрѣтимъ,

Мы ихъ встрѣтимъ вмѣстѣ съ третьимъ,

Третій кто? сама любовь.»

«Развѣ вы — влюбленные?»

— Конечно, постоянно, только не другъ въ друга.

Она уже бѣжала по лѣстницѣ, не слушая и напѣвая: «Мятлевъ пріѣдетъ, Мятлевъ пріѣдетъ».

— Тише! даютъ занавѣсъ! — высунулся помощникъ.

За кулисами стихло и странно доносился со сцены голосъ главной актрисы, падающій и волнующій: «Еслибъ ты знала, какъ сладостно, какъ неудержно влечетъ меня голосъ любви!..»

Два господина, въ чѣмъ то одинаковыхъ, не смотря на разность цвѣта костюмахъ, тихо прошли въ темный партеръ, на половину пустой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сѣрыя страницы толстой почтовой бумаги были быстро безостановочно покрываемы мелкимъ неровнымъ почеркомъ. Въ большой почти пустой комнатѣ только съ книгами по стѣнамъ, съ цѣльнаго стекла безъ занавѣсокъ окномъ, подъ неяснымъ свѣтомъ двухъ свѣчей на небольшомъ столѣ, сидѣли двое молча, и только скрипъ пера слышался въ воздухѣ, гдѣ плавали синія кольца папиросы второго.

Приложивъ печать съ головой Антиноя къ лиловому сургучу на запечатанномъ конвертѣ, писавшій продолжалъ молчать глядя передъ собою.

— Это — кончено? письмо разрыва? — спросилъ курильщикъ.

«Это кончено; письмо разрыва»—неувѣренно и не сейчасъ отозвался Демьяновъ.

— Вы любите дѣлать рѣшительные шаги. Скажите, вы никогда не раскаиваетесь?

«Я не дѣлаю никакихъ шаговъ, все дѣлается само, а раскаянье, какъ Египтяне, готовъ считать смертнымъ грѣхомъ.»

— А мнѣ очень жаль весны и этого лѣта!—

«Да» задумчиво проговорилъ первый, «какъ это было давно!»

— Это было три мѣсяца тому назадъ.

— Помните наши путешествія въ садъ?

«Это когда я временно жилъ у васъ, Налимовъ былъ постоянно съ нами!»

— Поѣздка въ «Славянку»...

«Однажды мы возвращались чуть не въ четверомъ на единственномъ извощикѣ...

— И купили на мосту розъ—

«Онѣ были нѣсколько увядшія и осыпались по всей лѣстницѣ, по корридору, по комнатѣ, будто усыпая путь».

— На слѣдующій день вы были въ Сестрорѣцкѣ.

«Это было давно, мы два раза купались, но это было безъ васъ».

— Потомъ и со мной.

«Тамъ мы все пили Шабли Mouton Dimoulin».

— Мы часто играли Figaro...

«А мой отъѣздъ?»

— Вы очень страдали на Волгѣ?

«Ужасно; помните отчаянныя письма, телеграммы, ранній пріѣздъ?»

— Вы были очень несносны своимъ влюбленнымъ эгоизмомъ.

«Развѣ вы не предпочитаете меня такимъ какъ я теперь — свободнымъ и легкимъ?»

— Надолго ли?

«Кто знаетъ? Острота страданья — вѣрный признакъ конца любви; это какіе то роды, у меня лично конечно.»

— Вы совсѣмъ холодны теперь? —

«Я сохраняю нѣжное воспоминаніе и знаю, что это тѣло — прекрасно, влюбленности же нѣтъ. И потомъ я не могу желать невозможнаго».

— Это разсудочность.

«Это у меня органически. Любовь приходитъ и уходитъ помимо меня и вдругъ милосердно вынимаетъ стрѣлу изъ сердца.»

— Это очень поэтично.

«Это очень правда и очень таинственно».

Вошедшая послѣ стука въ дверь служанка доложила: «Къ вамъ, Михаилъ Александровичъ».

— Кто? спросилъ Демьяновъ вставая».

«Петя Сметанинъ.»

Гость и хозяинъ переглянулись и послѣдній поспѣшно закрылъ только что написанное письмо, гдѣ стояло: Петру Ивановичу Сметанину. Вошедшій высокій бѣлокурый молодой человѣкъ съ прямымъ нѣсколько вздернутымъ носомъ сталъ здороваться съ неловкой развязностью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Если это забавно, когда Матильда вамъ садится на животъ и говоритъ, что она химера, когда вы въ одинъ вечеръ имѣете до десяти глупѣйшихъ tête-á-tête'овъ самаго компрометирующаго вида, когда вы выслушиваете до двадцати поэтовъ — то мы очень забавлялись. Но, между нами, все это въ значительной мѣрѣ прiѣлось. —

«Да, очень скучно.»

Сѣрый безсолнечный день ровно падалъ въ четыре окна большой сине-зеленой комнаты. У большого рабочаго стола наклонившись сидѣлъ Андрей Ивановичъ Налимовъ, составляя сосредоточенно и обдумывая какую то обложку для новой книги. Демьяновъ стоялъ у окна, за которымъ видѣлся еще незамерзшiй каналъ, рѣдкiе прохожiе, рядъ старыхъ домовъ на томъ берегу. На открытомъ роялѣ лежала партитура Гретри. Они молчали какъ близкiе и

привыкшіе другъ къ другу, забывши о чаѣ стынувшемъ на низкомъ столѣ.

«Вы неблагодарны, Налимовъ, вы не умѣете жить.»

— Это правда и я очень тягощусь этимъ, но вы — развѣ вы счастливы? —

«Часто — очень счастливъ, теперь нѣтъ, потому что не занятъ.»

— Вы удивительно вѣтренный.

«Я адски вѣренъ, покуда вѣренъ, но вдругъ проснешься съ чувствомъ, что то, къ чему привязанъ, совершенно чуждо, далеко, нелюбимо.»

Налимовъ снявъ очки кончилъ работать и равнодушно слушалъ, глядя своими грустными и умными какъ у собаки, глазами. Все болѣе и болѣе темнѣло, и друзья, сидѣвшіе уже на диванѣ, еле виднѣлись въ свѣтѣ уличнаго фонаря черезъ окно.

«Какая скука!»

— Вы не видите больше Пети Сметанина?—

«Нѣтъ, почему? онъ изрѣдка заходитъ. Почему вѣ спросили это?»

— Такъ. Прежде вамъ бывало съ нимъ весело. —

«Да.»

— Вы очень невѣрны къ вашимъ друзьмъ.—

«Намекъ на Темирова?»

— Вы обѣдаете съ нами, неправда ли? только отецъ и я, постороннихъ никого не будетъ.

«Не знаю»—откуда то совсѣмъ изъ темноты былъ отвѣтъ Демьянова.

Громкій звонокъ заставилъ повернуть электричество, освѣтивши ясно и холодно двухъ вставшихъ на встрѣчу молодому человѣку въ формѣ съ тонкимъ чѣмъ то непріятнымъ лицомъ узкими глазами съ большими вьющимися волосами. Поздоровались; слегка картавя онъ тотчасъ опустился на кресло въ некрасиво томной позѣ. Прерываясь онъ началъ нѣсколько новостей заразъ, перескакивая и не окончивая, торопясь и уставая. Прежніе съ улыбкой слушали картавый ажитированный говоръ.

— Откуда ты?—спросилъ равнодушно Демьяновъ — отъ нихъ? отъ маленькихъ актрисъ?

«Какая пошлость, вовсе нѣтъ, я былъ по дѣламъ кружка у Матильды Петровны.»

— Какое отношеніе у Матильды Петровны къ вашему кружку?

«Ахъ, какъ вы не понимаете? я былъ сначала по дѣламъ, потомъ у Саксъ?»

— Что же ты путаешь?

«Ахъ, ты только придираешься. Знаешь Мятлевъ пріѣхалъ. Ну какая побѣда, я тебя поздравляю!»

— Какія глупости! но надъ кѣмъ? —

«Да, вѣдь Матильда Петровна же въ тебя влюблена какъ...»

— Какъ змѣй? —

— —

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ глубинѣ длиннаго зала украшеннаго камеліями въ кадушкахъ, сѣро-земными полотнами и голубыми фонарями на ложе, приготовленномъ будто для Венеры или царицы Клеопатры, полулежалъ сѣдой человѣкъ медлительнымъ старческимъ голосомъ, какъ архимандритъ въ великій четвергъ, возглашая:

«любезная царица наша Алькеста, мольбы безсонныхъ ночей твоихъ услышаны богами, вернется цвѣтущее радостное здоровье супруга твоего царя Адмета.»

— Зачѣмъ Вы устроили ему такое поэтическое ложе? —

«Я же не зналъ, какого онъ вида и возраста.»

Сдержанный смѣхъ, шепотъ раздавались отъ двери, гдѣ толпились актрисы, не хотѣвшія на долго засаживаться впередъ къ почетнымъ гостямъ.

Повернувъ свое блѣдное съ лоснящимся

какъ у покойника лбомъ лицо на минуту къ шепчущимся, перевернувъ шумно и не спѣшно страницу, сидящій на ложѣ снова началъ.

Мимо Демьянова, стоявшаго тоже у двери, прошелъ слегка расталкивая публику молодой человѣкъ съ очень блѣднымъ круглымъ безбородымъ лицомъ, темными волосами нѣсколько англицированнаго вида; онъ бѣгло и остро взглянулъ какими то казавшимися незрячими глазами и потомъ, дѣлая видъ, что задержанъ толпою, еще разъ обернулъ на Демьянова свое круглое казавшееся смертельно блѣднымъ при голубыхъ фонаряхъ лицо.

«Кто это?»—спросилъ тотъ у стоявшаго рядомъ Налимова.

«Не знаю, я здѣсь въ первый разъ, какой нибудь актеръ. Спросите у Темирова».

— Темирова нѣтъ, вы знаете.

— «Весну» сыграйте, «Весну»! «Михаилъ Александровичъ, Ваша очередь»—летѣли какія-то двѣ актрисы съ раздувающимися платьями, какъ ангелы Берландало.

Главная актриса сидѣла окруженная поэтами и сочувственно улыбалась когда не понимала смысла того, что говорилъ ей высокій, розовый, съ нимбомъ золотыхъ волосъ, человѣкъ въ пеньсне, покачиваясь, то поднимаясь

на цыпочки, то снова опускаясь, будто онъ все время танцовалъ какой-то танецъ.

Играя, Демьяновъ все время видѣлъ черезъ головы другихъ блѣдное круглое лицо съ будто незрячими глазами, устремленными на него. Это его смущало и сердило и торопливо кончивъ пѣсеньки на свои же слова чувствительные и фривольные, онъ спѣшно вышелъ въ сосѣднюю залу, гдѣ не интересовавшіеся чтеніемъ и музыкой закусывали болтая.

«Можно поздравить съ успѣхомъ?»—кричалъ еще издали маленькій Вольфрамъ Григорьевичъ Даксель, жуя бутербродъ; Демьяновъ разсѣянно взялъ что-то на тарелку не отвѣчая. Другой не унимался: «что съ вами, вы сердитесь, или имѣли сегодня эскападу? отчего Вы такой absorbі?

— Вы не знаете, кто этотъ блѣдный господинъ, что стоялъ у второго окна, когда я игралъ?

«Вѣдь я не былъ въ залѣ. Который? Вотъ не этотъ?»—спрашивалъ вертясь и поводя носомъ Даксель, указывая на пробиравшагося между людьми молодого человѣка съ круглымъ блѣднымъ лицомъ, темными волосами, сѣрыми будто незрячими глазами.

— Мы съ вами не познакомились. Мятлевъ—

большой вашъ поклонникъ—сказалъ онъ, будто задыхаясь, подходя къ Демьянову.

«Да? очень радъ — Демьяновъ»—нѣсколько блѣднѣя, отвѣтилъ тотъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Только что выпавшій снѣгъ таялъ и теплый, обманно весенній день дѣлалъ впечатлѣніе поста на кладбищѣ.

На крыльцѣ большой церкви толпились нищіе и изъ открываемой входящими двери неслось тихое печальное пѣніе. Демьяновъ шелъ за двумя женщинами по узкимъ мосткамъ между сплошными памятниками направо, налѣво къ неизвѣстной ему могилѣ, какъ вдругъ былъ остановленъ знакомыми голосами, доносившимися изъ поперечной дорожки. Три актрисы въ уже зимнихъ платьяхъ, преувеличенно громко говоря неловко пробирались въ сопровожденіи двухъ мужчинъ. Михаилъ Александровичъ, скрытый большимъ памятникомъ, слышалъ ихъ разговоръ, безсвязный и аффектированный.

«Я такъ люблю «Вѣрую» Чайковскаго».

— и съ тѣхъ поръ они все время проводятъ въ мастерской вдвоемъ.

«Можетъ быть, это сплетни».

— Маня милая, не сплетни, увѣряю тебя не сплетни.

«Но давно ли онъ пріѣхалъ! и такая уже близость».

— Я думаю, нужно совсѣмъ не знать репутаціи Мятлева, чтобы видѣть въ этомъ опасность.—Добавилъ мужской голосъ проходившаго куда-то на лѣво.

Демьяновъ отъискалъ своихъ дамъ уже за рѣшеткой могилы, Раиса ѣла на развернутомъ платкѣ просвирку, Татьяна же Ильинишна тихо нѣсколько, нараспѣвъ, говорила: «и что, Раечка, тутъ произошло, скажу я тебѣ», Увидѣвъ подошедшаго, она не прерывая разсказа улыбнулась ему, подбирая платье, чтобы очистить мѣсто. Раиса равнодушно какъ извѣстное, слушала, сосредоточенно жуя просвирку, худенькая и некрасивая съ острымъ носомъ.

— «всего больше она Маргариту Ивановну Аркадія Ильича вдову любила и ласковѣй всѣхъ къ ней была и вотъ въ утро, какъ ей помереть, сижу я въ спальнѣ, шторы спущены, лампады однѣ теплятся; входитъ Маргарита съ ласкою, спрашиваетъ о здоровьѣ, о томъ, о семъ—ничего въ отвѣтъ, смотритъ во всѣ глаза, а ничего не говоритъ. Маргарита взываетъ къ ней: «что Вы, тетя милая, или меня не узнаете? я—Маргарита Аркадія Ильича покойника вдова.

Или вы разлюбили меня?» Та вдругъ отвѣчаетъ, съ тихостью: «я вижу, что ты—Маргарита Аркадія Ильича покойника вдова, и слышу, что ты говоришь, а любить я тебя, по правдѣ сказать, не люблю». Маргарита къ ней ринулась: «что же это тетя? что я сдѣлала, чѣмъ провинилась»?—Ничего ты не сдѣлала, ни въ чемъ не провинилась, а любовь отъ Господа; какъ приходитъ, такъ и уходитъ, какъ тать въ нощи. Люблю я теперь Семенушку».—Мы ушамъ своимъ не вѣримъ. Никакого Семена, кромѣ лавочнаго мальчика у насъ не было, а его бабинька, помнится, и не видѣла. Вечеромъ позвали Сеньку къ бабинькѣ, она и не взглянула на него, а ночью померла».

Раиса, помолчавъ, замѣтила: «вотъ тоже Клавдія Губова вдругъ разлюбила, разлюбила жениха и видѣть его не можетъ, а прежде не могла насмотрѣться. Но я думаю, что это одна иллюзія, развѣ можно такъ вдругъ въ одно прекрасное утро разлюбить»?

— Я думаю, что это не такъ ужъ невозможно, какъ кажется—замѣтилъ Демьяновъ, до сихъ поръ молчавшій.

«Вы, Михаилъ Александровичъ, справьте день Вашего Ангела у насъ вмѣстѣ съ Мишенькой,—право», добавила старуха Курмашева поднимаясь, чтобы уходить.

— Благодарю Васъ, только я хотѣлъ бы позвать кое кого изъ пріятелей.

«Такъ что же? нашъ домъ — вашъ домъ, такъ и считайте.»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Снова раздавшійся звонокъ по корридору заставилъ понизить голоса и безъ того говорившихъ въ полголоса четверыхъ людей въ узкой уборной съ цвѣтами на некрашенномъ столѣ. Олегъ Феликсовичъ бесѣдовалъ съ какимъ-то человѣкомъ, въ острой бородѣ и вихрахъ, бархатными брюками напоминавшимъ уже вышедшій изъ моды типъ художника.

«...нужно почувствовать ароматъ этой вещи, ея сѣро-синій тонъ женской страдающей души... а? мы это все обдумаемъ, не такъ ли? это можетъ выйти не плохо.»

Тотъ, тряхнувъ кудрями, заговорилъ: «я имѣю нѣкоторыя мысли для костюма Варвары Михайловны! цвѣта грязновато раздавленной земляники, такъ: юбка, потомъ другая ниже колѣнъ того же цвѣта, на ней расходящаяся грязно кирпичнаго, сверху tailleur ярко зеленаго веронезъ, бѣлый жилетъ... а? Жалко, что

дѣйствіе происходитъ въ Норвегіи, а то у меня есть дивный проэктъ съ пальмами.

— Это ничего, главное — ароматъ вещи. Дѣйствіе можно перенести—вы покажите Ваши пальмы. У Коммисаржевской перенесли же «Зобеиду» изъ Персіи въ Тифлисъ и вмѣсто персидскихъ дали еврейскіе платья.

«По моему тамъ второе дѣйствіе перенесено даже не въ Тифлисъ, а въ отдѣльный кабинетъ покойнаго «Альказара»...—замѣтилъ Демьяновъ улыбаясь.

Давши художнику уйти, Темировъ обратился къ сидѣвшему озабоченно за столомъ режиссеру.

— Это не будетъ нескромностью, любезный Олегъ Феликсовичъ, спросить у Васъ, что у Васъ идетъ, это ли скандинавское чудодѣйствіе съ пальмами, или «Отчій домъ» Зудермана?

«Отчій домъ?» отъ кого Вы слышали?—встрепенулся тотъ.

— Успокойтесь, отъ своихъ, отъ Васи маляра, который, кажется, ставитъ Зудермана. Въ обществѣ же только и говорятъ о скандинавскомъ.

«Это—тактика, Николай Павловичъ, нужно возбуждать интересъ... Вы этого не поймете»...

— Да но вѣдь предвыборный пріемъ утокъ едва ли дѣйствителенъ нѣсколько разъ...

Вошедшій Валентинъ прервалъ разговоръ, со вздохомъ опустившись на скамейку послѣ рукопожатій.

— Томишься?—спросилъ Демьяновъ: ну какъ вчера? я не знаю въ кого именно ты влюбленъ, но вѣдь вчера были всѣ претендентки, помнится?

—Мы возвращались уже утромъ, зашли въ соборъ купить просвиру и ѣли ее съ молокомъ въ сливочной. Она—прелестна, у нея дивные глубокіе глаза и ангельская улыбка.— Ну, я не стану продолжать,—разсердился онъ, замѣтивъ улыбку слушавшихъ.

— Я слушаю съ живѣйшимъ вниманіемъ— бросилъ вдругъ какъ-то омрачившійся Демьяновъ, закуривая папиросу.—Скажите, Темировъ, не будетъ ничего имѣть Мятлевъ, если я посвящу ему свою послѣднюю вещь? при работѣ я все думалъ о немъ... объ его искусствѣ: это будетъ заслуженно.

«Ахъ, онъ будетъ въ восторгѣ, онъ бредитъ Вами и только ищетъ, гдѣ бы познакомиться».

— Это такъ легко сдѣлать — промолвилъ Михаилъ Александровичъ—онъ не согласился бы поѣхать съ нами завтра четвертымъ?

«Я передамъ; навѣрное да. Ну мнѣ пора».

простился Темировъ, уводя режиссера подъ руку.

Послѣ молчанія, Валентинъ тихо замѣтилъ будто про себя: говорятъ, «нельзя вѣрить словамъ Мятлева».

Демьяновъ вопросительно посмотрѣлъ на юношу.

«Говорятъ—онъ тщеславный, суетный».

— Что за выпадъ? какая муха тебя укусила? Онъ — твой соперникъ у Овиновой, что ли?

«Нѣтъ».

— Ну такъ что же? ты его не знаешь.

«Отчего ты волнуешься? развѣ ты могъ его знать? можетъ быть я забочусь о тебѣ».

— Обо мнѣ! вотъ идея!

«Мнѣ не совсѣмъ все равно видѣть тебя одураченнымъ».

— Знаешь, это—очень пошло то, что ты говоришь, это—плохая французская пьеса.

«Можетъ быть, мнѣ все равно».

Они замолчали оба и снова раздавшійся звонокъ по коридору не заставилъ ихъ измѣнить позъ разсерженныхъ и сосредоточенныхъ курильщиковъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Было пріятно—послѣ долгой ѣзды, то быстрой, то шагомъ, послѣ длинныхъ снѣжныхъ дорогъ мимо заколоченныхъ дачъ, покинутыхъ старинныхъ театровъ, замершихъ рѣчекъ, послѣ мороза, лунной ночи, пустынныхъ полянъ на краю острововъ — было пріятно, проѣхавъ сквозь дворниковъ на узковатый дворъ, войти въ запорошенныхъ шубахъ и шапкахъ въ широкія, свѣтлыя теплыя сѣни, куда изъ залы неслись визгливые звуки Румынъ.

— Вѣдь мы спросимъ сухого? не правда ли? Пиперъ Гейдсикъ brut? —проговорилъ Демьяновъ, опускаясь рядомъ съ Петей Сметанинымъ противъ Мятлева, сидѣвшаго около Темирова.

Старый гобеленъ изображалъ Пріама въ палаткѣ Ахилла, стѣны въ темной дубовой обшивкѣ напоминали столовыя въ старинныхъ домахъ, старые слуги съ лицами евнуховъ молча созерцали группу почти единственныхъ посѣти-

телей. Уже ѣли сыръ и на сосѣднемъ незанятомъ столѣ синій огонь лизалъ бока фарфороваго кофейника. Петя подпѣвалъ матшишъ музыкантамъ, беря рюмку двумя пальцами, жеманно отставивъ мизинецъ. Вспоминали прошлыя поѣздки, смѣшные случаи, мелочи, собесѣдниковъ, марки винъ; зала нѣсколько наполнялась поздними гостями, музыка неистовствовала; Демьяновъ не спускалъ глазъ съ блѣднаго лица Мятлева, стараясь въ бѣглыхъ будто незрячихъ взглядахъ, бросаемыхъ тѣмъ временемъ, найти какой-то отвѣтъ. Замолкли, истощивши разговоръ, выкуривши послѣднія уже безъ аппетита папиросы.

Снова прямая дорога, мелькавшія дачи, снѣгъ на деревьяхъ наводили сонъ и Петя спалъ слегка прижавшись къ плечу Демьянова. Въ лунномъ свѣтѣ странно темнѣли глаза на преувеличеннно блѣдныхъ лицахъ.

— Я въ такомъ состояньи, что готовъ отвѣчать правду на какіе угодно вопросы — заявилъ Мятлевъ, будто съ вызовомъ:—и первое, что я скажу, что ничье искусство меня такъ не волновало, какъ ваше!—

«Ну, а любишь ты Михаила Александровича»?—спросилъ Темировъ.

— О, да. —

«Какъ?»

— Какъ угодно. —

«Всячески?»

— Всячески. —

«А я, Вы думаете, люблю Васъ?»—осмѣлился спросить уже самъ Демьяновъ.

— О, да. —

«Когда Вы это подумали?»—какъ то трепеща продолжалъ спрашивающій.

— Съ первой встрѣчи. —

«Вы не думали, что я вамъ это скажу?»

— О, нѣтъ, еслибы вы не сказали, я бы это сказалъ. —

«Первый?»

— Первый. —

«Вы будете помнить завтра слова сегодня?»

— Вы думаете, я пьянъ? —

«Вы знаете, какъ важно то, что мы говоримъ?

— Да. —

«Какая гибель или какая заря искусства, чувствъ жизни можетъ выйти изъ этого разговора?»

Мятлевъ, бѣгло улыбнувшись, снова повторилъ:

— О да! —

«Какъ это странно, будто во снѣ, вамъ не кажется вся эта поѣздка, весь этотъ разговоръ

чѣмъ-то фантастастическимъ?» — вмѣшался до сихъ поръ будто дремавшій Темировъ.

Уже ѣхали по набережной, Петя проснулся и зѣвалъ, что то силясь напѣть, другіе молчали чѣмъ то занятые. Поцѣловавшись на прощанье съ Петей и Темировымъ, Демьяновъ ограничился рукопожатьемъ съ Мятлевымъ, смотрѣвшимъ на него въ упоръ своими будто незрячими глазами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Звонъ разбитой чашки выдалъ волненье Раечки, когда она замѣтила входящихъ Мятлева подъ руку съ Демьяновымъ въ комнату, уже наполненную разряженными дѣвицами, двумя тремя студентами и розовыми молодыми людьми въ пиджакахъ. Покраснѣвшая дѣвушка такъ и осталась съ протянутой рукой, изъ которой выпала чашка, между тѣмъ какъ Татьяна Ильинишна качая головой, говорила:

«Ахъ Раечка, какъ же это ты—такая неосторожная!»

— Вотъ, тетя, другъ мой—Мятлевъ художникъ—говорилъ Демьяновъ, подводя кланяющагося юношу.

«Очень рады, очень рады, Михаила Александровича друзья — наши друья. Дочь моя — Раиса»—добавила старуха Курмышева, указывая на все еще не оправившуюся дѣвушку.

— Много о васъ слышала отъ брата, отъ

Валентина... я никакъ не думала... я такъ рада видѣть васъ здѣсь... бормотала она, опуская бѣгающіе глаза.

«Оракулъ! оракулъ! вашъ фантъ, Валентинъ Петровичъ, нечего скрываться, пожалуйте» щебетала стая до смѣшного похожихъ одна на другую барышень въ свѣтлыхъ платьяхъ, показываясь на порогѣ сосѣдней большой комнаты.

«Подойдемте и мы»—шепнулъ Мятлевъ Михаилу Александровичу, направляясь къ сидящему подъ большимъ пледомъ Валентину. «Двое» пискнулъ кто-то, когда они съ разныхъ концовъ приложили осторожно по пальцу къ головѣ изображающаго оракулъ.

И они смотрѣли внимательно и съ улыбкой другъ на друга подъ пытливыми взглядами присутствующихъ, пока раздавался измѣненный шуточно - торжественный голосъ прорицателя: «эти двое будутъ скоро принадлежать другъ другу».

Громкій смѣхъ встрѣтившій предсказаніе не былъ раздѣленъ только Раисой, съ трепетомъ затаивъ дыханье слѣдившей за происходившимъ.

— Нельзя ли мнѣ пройти вымыть руки куда нибудь? —нѣсколько задыхаясь обратился Мятлевъ къ Демьянову.

«Сейчасъ! пройдемте въ спальню Татьяны Ильинишны, ближе всего».

«Вотъ»—сказалъ онъ, указывая на ясно видный при свѣтѣ лампадъ у почти цѣлаго иконостаса старинныхъ иконъ умывальникъ.

— Мнѣ онъ не нуженъ—прошепталъ Мятлевъ, запирая дверь на ключъ.—Развѣ вы не понимаете?

«Неужели это правда? почему сейчасъ? здѣсь?»—бормоталъ Демьяновъ, какъ подкошенный опускаясь на кровать Татьяны Ильинишны.

— Такъ нужно, такъ я хочу—сказалъ другой, вдругъ крѣпко и медленно его цѣлуя.

Демьяновъ широко перекрестился, и опустясь на полъ, поцѣловалъ ботинку Мятлева.

— Что вы дѣлаете?—нѣсколько смутился тотъ.

«Благодарю наши иконы, что они Васъ послали сюда, и цѣлую Ваши ноги, приведшія Васъ на мое счастье, на мою радость».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Чтобъ покончить счеты съ жизнью
Архитекторомъ я сталъ
И черчу, черчу, черчу—
Все сердечки я черчу.»

Женщины, встрѣтившія громкимъ смѣхомъ и рукоплесканьями чувствительную и нелѣпую пѣсенку, были по уговору въ разноцвѣтныхъ однофасонныхъ костюмахъ изъ тонкой бумаги перевязанныхъ тоненькими же цвѣтными ленточками, въ полумаскахъ, незнакомыя, новыя и молодыя въ свѣтѣ цвѣтныхъ фонариковъ. Танцовали, кружились, садились на полъ, пѣли, пили краснѣвшее въ длинныхъ стаканахъ вино какъ-то нѣжно и безшумно веселясь въ полутемной комнатѣ; въ темныхъ углахъ сидѣли пары, вѣжливо и любовно говоря. Выйдя въ сосѣднюю комнату, Демьяновъ увидѣлъ сидѣвшаго Валентина съ закрытымъ руками лицомъ.

Онъ всталъ около юноши, положивъ руку ему на плечо.

— Это глупо; зачѣмъ мучиться? зачѣмъ страдать? развѣ не радость—любовь?—какъ-то дѣланно началъ онъ.

«Зачѣмъ ты говоришь пустыя слова? ты самъ знаешь, что это неправда». Не отнимая рукъ отвѣтилъ тотъ.

Помолчавъ, Демьяновъ снова началъ:—Это Овинова—та, которую ты любишь?

Валентинъ молча кивнулъ головой.

«Ты ей говорилъ объ этомъ?»

«Нѣтъ».

— Отчего? ты не смѣлъ?—хочешь, я поговорю съ ней?

«Нѣтъ... а вотъ если хочешь мнѣ сдѣлать добро, поговори лучше съ Мятлевымъ.»

— Съ Мятлевымъ? о чемъ?

«О ней же».

Демьяновъ сдержанно проговорилъ: мнѣ кажется, ты ошибаешься, считая его имѣющимъ какое-то отношеніе къ ней.

«Поговори, прошу тебя, ему все равно, а ей, а мнѣ это такъ важно».

— Хорошо, я поговорю; пустяки какіе нибудь, навѣрно.

«Тише, они идутъ въ переднюю»—прошепталъ Валентинъ и они замерли, межъ тѣмъ

какъ голоса вошедшихъ въ переднюю ясно слышались на фонѣ тихой музыки изъ залы.

— Знаете, слышался голосъ Нади Овиновой,—когда Вы уѣдете, я уйду изъ театра, потому что̀ единственно Вы меня здѣсь интересовали. Это очень глупо говорить Вамъ, Вы такъ послѣднее время со мной обращались, холодно, сухо, почти не говорили, что я рѣшилась теперь въ послѣдній день сказать Вамъ это.

Голосъ Мятлева, нѣсколько задыхающійся отвѣчалъ: «Надежда Васильевна, Вы сами избѣгали встрѣчъ я не измѣнился къ Вамъ нисколько.»

— Зачѣмъ обманывать—горестно воскликнула дѣвушка—развѣ я не вижу? развѣ я не чувствую? И я скажу Вамъ, съ какихъ поръ Вы стали такимъ и почему. Хотите? сказать?

«Скажите» — съ ужимкой отвѣчалъ Мятлевъ.

— Хорошо! и она тихо сказала что-то, не долетѣвшее до ушей взволнованныхъ слушателей.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, не нарушаемое даже шепотомъ, затѣмъ Мятлевъ еще болѣе задыхающимся голосомъ проговоривъ:—знаете, если бы это сказалъ мнѣ муж-

чина, я бы далъ пощечину!—ушелъ, хлопнувъ дверью.

Долгое вновь наступившее молчаніе прервалъ Демьяновъ.

— Ты видишь, что я былъ правъ.

«Я вижу, какъ она его любитъ, и вижу, что ни ты, ни Мятлевъ, ни я, никто ничего тутъ сдѣлать не могутъ».

— Зачѣмъ принимать все такъ трагически?

«Я просто говорю, что есть».

И Валентинъ не глядя на оставшагося Демьянова быстро вышелъ въ залу, гдѣ Темировъ снова начиналъ ту же нелѣпую и чувствительную пѣсеньку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Une belle lettre d'amour!»—холодно проговорилъ Налимовъ, протягивая двумя пальцами обратно Мятлеву сложенную записку; тотъ стоялъ рядомъ съ Демьяновымъ, радостный и розовый отъ свѣта зари черезъ незанавѣшенныя окна; камеліи еще болѣе краснѣли въ этомъ же свѣтѣ и дама въ высокой пудренной прическѣ одна и неожиданно выдѣлялась на уже потемнѣвшей стѣнѣ. Онъ притащился радостный и оживленный будто не передъ разлукой. Налимовъ, улыбнувшись, прибавилъ:

«Михаилъ Александровичъ любитъ и умѣетъ писать письма и это еще не лучшій образецъ, что Вы мнѣ такъ любезно показали».

— Зачѣмъ Вы это сдѣлали?—спросилъ Демьяновъ выходя съ Мятлевымъ на пустынную набережную канала. Тотъ бѣгло взглянувъ, радостно и торжествующе улыбнулся.

— Я гордъ вашей дружбой, я всему свѣту

готовъ кричать, трубить о ней. Вотъ я пріѣду вскорѣ и мы будемъ неразлучно, неотступно вмѣстѣ, я буду ходить съ вами всюду въ знакомые и незнакомые дома, въ театръ, въ концерты.

— Я буду посылать вамъ свои эскизы, писать письма каждый день, нѣсколько разъ въ день.

— «Какъ буду ждать я ихъ. Все время, всѣ часы я буду думать о васъ, о вашемъ скоромъ пріѣздѣ, каждый стихъ, каждая нота будутъ принадлежать вамъ.

«Какое счастье, какое неожиданное счастье».

— Какое неожиданное счастье!—какъ эхо отозвался Демьяновъ.

«А если я останусь надолго въ Москвѣ, вы пріѣдете къ намъ, не правда ли? У насъ забавный лиловый домъ, входъ со двора, особнякъ, ворота желтые всегда на запорѣ, нужно стучаться, внутри теплыя лѣстницы; у насъ двѣ собаки, у меня въ комнатѣ отличный умывальникъ, шкафъ, на дворѣ яблоня, одна; видны деревья парка, весной отлично».

— Милый другъ мой—совсѣмъ тихо замѣтилъ Демьяновъ прижимая локоть своего спутника своей рукой. Они шли легкой, казалось окрыленной, походкой, встрѣчные казались милыми нарядными безпечными въ эти ранніа еще

свѣтлыя сумерки, заходили ѣсть пирожки, безпричинно смѣялись, глядѣли другъ на друга.

— Я провожу васъ на вокзалъ, у васъ есть билетъ?

«Нѣтъ еще, и пожалуйста не безпокойтесь; я заѣду за вещами, можетъ быть»...

— Что можетъ быть?..

«Можетъ быть, мнѣ не удастся сегодня выѣхать»...

— Какъ? развѣ это возможно еще?

«Отчего это васъ тревожитъ? развѣ это не все равно.»

— Нѣтъ, ничего, я самъ не знаю отчего я встрѣвожился, пустяки конечно.

Они легко поцѣловались, будто разставаясь на часъ, и Мятлевъ долго махалъ шапкой, когда удалялся извозчикъ Демьянова, потомъ онъ сѣлъ на другіе сани и поѣхалъ въ другую сторону отъ мѣста гдѣ онъ жилъ. Поднявшись по темной лѣстницѣ во дворѣ до двери, гдѣ значилось: «Елена Ивановна Борисова», онъ позвонился, и отворившая горничная со свѣчей сказавши, что барышня дома, впустила его въ узкую и темную переднюю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Лицо Валентина все болѣе и болѣе печалилось, по мѣрѣ того какъ Демьяновъ неувѣренно и продолжительно говорилъ ему какіе-то утѣшенья. Наконецъ, поднявши до тѣхъ поръ опущенные глаза прямо на собесѣдника онъ значительно проговорилъ:

«Тебѣ, конечно, не безъизвѣстно, что Мятлевъ вчера еще пріѣхалъ обратно сюда, пробывши только двѣ недѣли въ Москвѣ».

Демьяновъ сдержанно отвѣтилъ, краснѣя: «можетъ быть».

— Зачѣмъ скрывать? При вашей близости ты не могъ не знать даже раньше, что онъ будетъ здѣсь.

«Можетъ быть».—Повторилъ снова Демьяновъ беззвучно.

— И ты знаешь, ты долженъ знать, что его появленіе опять лишаетъ меня почти еще не пріобрѣтеннаго покоя.

«Ты увѣренъ въ томъ, что Мятлевъ дѣйствительно пріѣхалъ»?

Валентинъ пожалъ плечами, не отвѣчая.

— Вы видѣли, конечно, Павла Ивановича?—подошелъ Олегъ Феликсовичъ къ говорившимъ.

«Возможно»—съ улыбкой отвѣтилъ Демьяновъ, чувствуя какъ вся комната начинаетъ кружиться.

— Полноте скромничать; ходили даже слухи, что онъ и не думалъ уѣзжать въ Москву, а прожилъ это время у васъ.

«Какая глупость! отъ кого же ему скрываться»?

— Вы уходите уже? такъ рано?

«Да, я ухожу, страшная мигрень».

«Пріѣхалъ, пріѣхалъ—и я узнаю это изъ третьихъ рукъ! Двѣ недѣли молчанія, не предупредить о пріѣздѣ, не извѣстить по прибытьи! Вотъ дружба, вотъ любовь! и чѣмъ я заслужилъ это»?

Михаилъ Александровичъ въ волненіи сошелъ съ извозчика, прошелъ нѣкоторое время пѣшкомъ, опять сѣлъ и погналъ съ горящей головой и какимъ-то опустошеннымъ, падающимъ сердцемъ.

— Вотъ просили вамъ передать домикъ и карточку—сказалъ заспанный швейцаръ, отво-

ряя дверь Демьянову и роясь на столѣ въ передней.

«Что за домикъ? кто такой»?

— Да вотъ—дѣтская игрушка, я даже самъ удивился. Молодой господинъ, часто у васъ прежде бывали, Мятлевъ кажется будутъ по фамиліи. Вотъ...—нашелъ онъ карточку Мятлева.

На оборотѣ не было ничего написано.

«Они сами заѣзжали»?

— Сами.

«Поздно»?

— Часовъ въ девять.

Домикъ былъ какъ продаютъ передъ рождествомъ разнозчики, изъ толстаго картона съ прорѣзными дверями и окнами съ переплетомъ въ обоихъ этажахъ; въ окна была вставлена прозрачная бумага красная и зеленая, чтобы давать пестрый свѣтъ, когда внутри дома зажигали свѣчу.

СТИХИ.

ВЪ ТЕАТРѢ.

Полукругъ. Не люди,—тѣни.
Сумракъ. Призраки лучей...
Впереди, на возвышеньи,
Яркій свѣтъ и гулъ рѣчей...

Притаились рядъ за рядомъ;
Только платья шелестятъ;
И глядятъ незримымъ взглядомъ;
Еле дышутъ; точно спятъ...

На подмосткахъ—рѣзкость свѣта,
Вѣрность жестовъ, точность словъ.
Нѣтъ вопроса безъ отвѣта,
Откликъ есть на каждый зовъ...

Лицъ не видно; всюду маски,
Явь иль чары колдовства?
Въ полумракѣ—трепетъ сказки;
Тишь—жива иль не жива?..

На щекахъ цвѣтутъ румяна;
Носъ и лобъ набѣлены,
Блескъ въ очахъ... но нѣтъ обмана:
Краски, маски—только сны...

Сонъ. Смѣяться или плакать?
Тѣнь—сосѣдка. Тѣнь—сосѣдъ.
За стѣной,—туманъ и слякоть;
Городъ; толпы... бездна... бредъ...

Три стѣны, окно и двери,
Мебель, зеркало, каминъ:
Бюди—боги, люди—звѣри,
Люди, люди безъ личинъ...

Кто скорбитъ? Кто хмуръ? Кто веселъ?
Гдѣ чужіе? Гдѣ родной?
Мгла по ровной зыби креселъ
Ровной стелется волной...

Домъ; семья; любовь и мщенье;
Вопль страстей: привычекъ гнетъ...
Бьютъ часы; спѣшитъ мгновенье:
Пыльный пологъ упадетъ.

Брызжетъ свѣтъ. Въ истомѣ зябкой
Люди къ выходу спѣшатъ...
Позади, за пыльной тряпкой
Сказку тѣни сторожатъ.

С. Рафаловичъ.

I.

Крыши, снѣгомъ занесённыя,
Свѣтлый сумракъ, огоньки.
Грёзы, въ городѣ спасенныя,—
Холодны и высоки.

Безмятежно день кончается,
Зимній день—въ голубизнѣ.
Тишина душою чается
Тутъ—въ морозной вышинѣ.

И въ окно мое высокое—
Не на сумрачное дно—
Смотритъ небо синеокое—
Широко и холодно.

Надъ домами тѣми низкими
Мнѣ знакомая межа
Небесами вьется близкими—
До седьмого этажа.

II.

Постукивала конка.
Съ площадки мнѣ видна,
Сидѣла незнакомка—
Ахъ, чудно хороша!

Я видѣлъ свѣтлый локонъ,
Румянецъ на лицѣ...
Безъ крыльевъ вольный соколъ,
Я съ гирей на душѣ.

Вотъ встала и взглянула—
Да прямо на меня.
А я поникнулъ хмуро;
Смотрѣлъ бы, да нельзя.

Прошла—и на разъѣздѣ
Спрыгнула такъ легко.
Пойти за ней? А если...
Нѣтъ, такъ нехорошо.

Она взглянула прямо,
А я не смѣлъ тогда.
Но все же помню явно
Я синіе глаза.

Мечталъ я—незнакомка,
Хоть разъ еще взгляни!
Да повернула конка,
И нѣтъ ея вдали.

Юрій Верховскій.

ИЗЪ КНИГИ «СМѢШНАЯ ЛЮБОВЬ».

I.

Жили были два горбуна.
Онъ любилъ и любила она.
Были длинны ихъ цѣпкія руки,
Но смѣшны ихъ любовныя муки,
Потому что никто никому,
Ни онъ ей, ни она ему
Поцѣлуя не могъ подарить—
Имъ горбы мѣшали любить.

II.

ПЬЯНИЦА.

Тротуаръ, тротуаръ,
Каменныя плиты:
Пропади спиртной угаръ,
Пропади ты!
Пьянъ то кто? Пьянъ то я...
Почему я пьянъ то?
Разлюбила меня,
Полюбила франта...
Захочу разлюблю!
Все вино исправитъ...
Любитъ кто? я люблю,
А она лукавитъ...
Идетъ пьяненькій,
Шатается,
Весь въ крови,
Весь румяненькій,
Своей любви
Отомстить собирается...

Впереди
Шляпа съ цвѣточками,
Боа на груди...
Онъ самъ не свой:
«Пойдемъ со мной,
Угощу мадерой съ почками!»
Подойти подошелъ,
Покачнулся,
Да къ ней
Въ подолъ
Тушей всей
Растянулся...
Смѣется она,
Покатывается...
Поднялся пьянѣй
Вина,
Пошатывается,
Идетъ, кряхтитъ, отдувается,
Любви своей
Отомстить собирается...

П. Потемкинъ.

ДВОИНИКЪ.

Опять на улицѣ на мигъ
Я этимъ былъ охваченъ;
Я къ Тайнѣ вновь душой приникъ,
Я въ Тайну вновь душой проникъ,
И вновь былъ озадаченъ,
Что совершаетъ мой двойникъ
Тотъ путь, что мнѣ назначенъ.

Въ началѣ я оцѣпенѣлъ,
Въ безуміе поверженъ,
И я внѣвременнымъ пьянѣлъ,
Далеко выйдя за предѣлъ,
Ничѣмъ земнымъ не сдержанъ.
Но тупо мой двойникъ глядѣлъ,
И даже былъ разсерженъ.

Онъ продолжалъ итти и пѣть,
Размахивая тростью,
И онъ готовилъ злую плеть,

Чтобъ съ нею легче одолѣть
Непрошенную Гостью,—
И я, войдя въ земную клѣть,
Сталъ плотью, кровью, костью.

Вл. Пястъ.

ЕВГЕНІИ ЛУНДБЕРГЪ.

НОЧНЫЯ.

С Л Ѣ П Ы Е?

Притворю ставни и, хоть праздникъ, не пойду сегодня на улицу. Не отвернулись бы отъ меня съ гадливостью братья: они жизнью живы, а я сочетаніями звучныхъ словъ.

Не судите строго. Мнѣ взглянуть на жизнь—отчаяться. Мнѣ открыть глаза—умереть.

Удивляюсь силѣ вашей, братья съ открытыми глазами.

КАКЪ ЛУЧШЕ?

Загадываютъ друзья на много лѣтъ. Храбрятся.

— Страшно мнѣ. Сроковъ не знаю.

Строятъ друзья дома. Подвиги трудные на себя берутъ. Счастье ночами кличутъ.

— Тошно мнѣ. Руки складываю. Не зачѣмъ. Малое само придетъ, вся мечта въ руки не дастся.

Правды ищутъ друзья. Вѣковые лѣса рубятъ. Томятся.

— Смѣшно мнѣ. Выше себя не прыгнутъ.

Жить хотятъ. Берегутся. Жадничаютъ.

— Скучно мнѣ. Врагъ изъ-за угла стережетъ.

КНИГИ.

Знающіе молчатъ, рвутъ, пока можно, изъ вражьихъ рукъ, что послаще. Мудрость приложится.

Кто еще учитъ и кто сытъ сочетаніями звучныхъ словъ — это худшіе изъ безсовѣстныхъ, послѣдніе, безобразные люди.

Потому-то еще и смѣютъ они говорить.

НАПРАСНО.

Спаситель желанный, гдѣ ты? Братъ или сестра, несказанно прекрасная въ бѣломъ уборѣ послѣдней встрѣчи.

Нѣтъ ихъ—неизбывно томленіе. Нѣтъ ихъ—некого звать.

Тише...

Сбылось? Ты подходишь свободнымъ шагомъ мудрой безпечности.

Стучишься въ дверь, шепотомъ праздничныхъ заклинаній торопишь меня.

Не отворю. Уходи.

Былъ одинъ, и буду одинъ. Твержу упорное «нѣтъ». Ничего не приму изъ даровъ твоихъ: ни отдыха, ни вѣчнаго сна, ни мгновенной утѣхи.

КОГДА НАХЛЫНУТЪ.

Когда нахлынутъ ночныя видѣнія, нужно летѣть и нѣтъ крыльевъ—мнѣ мало словъ, презираю слова.

Крикну: Въ пляскѣ разорвите меня. Упейтесь мною—въ пляскѣ.

Изступленный упаду на постель: пляска забыта въ вѣкахъ, а пѣть не умѣю.

ЗВѢРЬ ПРОТИВЪ ЗВѢРЯ.

Прибѣжалъ неистовый звѣрь изъ проклятаго лѣса. Загадки загадалъ, сожрать обѣщался—все, какъ водится и какъ въ старину водилось.

Наклонился я къ землѣ, коснулся матери рукой. Грудь сухимъ прахомъ обвѣялъ, горсточку его къ губамъ прижалъ.

Подхожу къ звѣрю.

— Что мнѣ твои загадки! Не знаю ихъ, не слышалъ и слушать не стану. Чья сила— того и правда. Не выживетъ неправый.

Выходи въ поле, биться будемъ.

Смутился звѣрь, поникъ головой, убѣжалъ въ проклятыя дебри.

Не захотѣлъ битвы правый звѣрь.

Л. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛЪ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

На этотъ разъ я рѣшила обѣдать и пить утренній кофе въ столовомъ вагонѣ.

Рѣшила, потому что не имѣла въ себѣ позыва снова ощутить то тягучее, глухое, знобящее истомленіе въ совсѣмъ пустомъ тѣлѣ, доставлявшее раньше какое-то тихое и очень изысканное сладострастіе моимъ нервамъ, душѣ—молчаніе и полетъ.

Душа молчала, словно мукою немного умиренная, словно несла и на своихъ запыленныхъ крыльяхъ частицу мутной и скорбной, въ вирномъ вихрѣ мчащейся земной жизни, причащалась ей истомой смертельной.

Дѣло въ томъ, что я не сильна и устаю отъ неподвижнаго движенія тряской, гулкой и безучастной быстроты. И еще въ томъ, что я похожа на электрическую рыбу,—ее показываютъ въ роскошныхъ научныхъ акваріумахъ: если къ ней прикоснуться рукой,—такъ четко, сухо, какъ маленькій разрядъ, ударитъ по ручнымъ мускуламъ элетрическій токъ. Мнѣ говорили,

что эти рыбы умираютъ въ изнеможенiи, выпустивъ свою силу.

Каждый нервъ моего тѣла—маленькая электрическая рыбка, и все, что глядитъ,—а глядятъ на меня и люди и вещи,—прикасается ко мнѣ, и всѣмъ я отдаю четкими сухими разрядиками свои токи до изнеможенія, до смерти.

И это не любовь, а электричество.

И вотъ, когда дрожью я пронизывала гладко уносящіяся плоскія и прибранныя поля, ударялась о голыя, размѣренныя стѣны безмятежныхъ, краснокирпичныхъ домиковъ, расчесывалась сквозь ровные проборы саженыхъ, прозрачныхъ лѣсиковъ, трепеталась по доброкровнымъ, широкимъ лицамъ на строгихъ станціяхъ, синимъ глазамъ, и ртамъ, возглашающимъ и чрезмѣрно взволнованнымъ, и по широкимъ спинамъ высокоплечихъ лошадей въ легкихъ упряжкахъ, и переливалась, сочувствуя и не проникая, въ души странныхъ и тайныхъ людей, что̀ такъ близко тѣснились рядомъ и напротивъ меня, и, вмѣстѣ со мною, неподвижно въ быстромъ летѣ, мимо гладко убѣгающихъ предметовъ и пестрогорланистыхъ остановокъ, мчали свои участи радостей, пытокъ и разлукъ, — опустошаясь, отчуждаясь, изнемогало мое тѣло, тусклое въ слабыхъ, остренькихъ ознобахъ умирало, а душа изъ большой тишины черезмѣрнаго сочув-

ствія вызволялась, получая тотъ крылатый, безтѣлесный полетъ, который и есть начало и конецъ всякой жизни.

На этотъ разъ, отправляясь въ дальній путь, я не чувствовала позыва къ мукѣ знакомаго полета. Мои нервы всѣ сжались однимъ нетерпѣливымъ устремленіемъ вмѣстѣ съ поѣздомъ дѣйственно преодолѣть всѣ эти пустыя и слишкомъ тѣсныя пространства чужой, плоской и крикливой страны.

Домой нужно было, гдѣ большое и страстное, и никому Завтра не обѣщано.

Поэтому, чтобы разбить сосредоточенность своихъ переливаній въ попутные предметы,—я рѣшила обѣдать и пить утренній кофе въ столовомъ вагонѣ.

Противъ меня, за моимъ прикрѣпленнымъ къ стѣнѣ столикомъ у зеркальнаго окна, сѣла прямая нѣмка, высокая, полная, въ дамской шляпѣ съ сиренями, съ сумочкой черезъ плечи, пухлыми, крупными, бѣлыми руками, пріятно мягкимъ, старѣющимъ лицомъ и пустыми совсѣмъ синими глазами. Она спросила чашку чаю и вгрызлась рѣшительно и степенно крупными, бѣлыми зубами въ молочный хлѣбецъ черезъ его хрусткую, золотистую корочку.

Мы долго сидѣли такъ, молча. я—потребляя свою порцію кофе, она—чая.

Потомъ, вдругъ, она подняла на меня свои синіе, пустые глаза, и я увидѣла что они слегка косятъ. Это тотчасъ отмѣтило ее въ моемъ воспріятіи. я отдала ей, легкій, чуткій разрядикъ своего тока.

Она сказала строгимъ, ровнымъ густымъ голосомъ, пріятнымъ моему слуху и человѣка достойнымъ:

— Я ѣду домой. Пробыла лѣто въ Испаніи, въ Пиренеяхъ,

Я спросила, волнуясь:

— Вамъ было хорошо въ горахъ?

— Да, тамъ красиво и дико. Я отдохнула. Зимой я утомилась.

Не выручалъ удобный столовый вагонъ, пріятный подносикъ съ теплымъ кофеемъ, — мое тихое, трепетное волненіе росло.

Какое дѣло мнѣ до нѣмки? А вотъ она говоритъ. Слышу голосъ строгій и чужой и вижу немного тревожный взглядъ синихъ косыхъ глазъ.

Она говоритъ:

— Вы вотъ кофей пьете. А я его по утрамъ пить не могу. Только послѣ обѣда. Если-бы хотя одну чашку выпила,—на весь день была-бы больна. Онъ на меня плохо дѣйствуетъ. Прощайте! Добраго пути! Скоро моя станція.

Она плавно встала и, положивъ деньги на свой подносикъ, гдѣ остался металлическій чайникъ съ приподнятой крышкой, и сливочникъ съ недопитымъ молокомъ, прямая, прошла узкимъ ходомъ между столиками и скрылась за раскатными дверьми ресторана.

Я еще осталась сидѣть. Меня бросало плавно изъ стороны въ сторону, почти какъ на морѣ. Плавно колыхалась вода въ полуотпитомъ сифонѣ, на сосѣднемъ столикѣ.

Я думала о нѣмкѣ. Потомъ рѣшила забыть, чтобы не думать о человѣкѣ, котораго никогда не встрѣтишь и который состарится и умретъ безъ твоего вѣдома.

Но къ чему-же я узнала, что она не можетъ пить кофею по утрамъ? Это было тепло, такъ животно, матерински, сестрински тепло,—знать о ней, что она пьетъ чай по утрамъ, а если кофей, то весь день послѣ него больна.

Вѣрно, это отъ сердца. У нѣмки, вѣрно, нездоровое сердце.

Но какое мнѣ дѣло?

СТИХИ.

ТИШИНА.

Въ снѣгахъ голубыхъ умираютъ дневныя
сіянія,
И къ небу стремятся вершины молитвен-
ныхъ елей.
Возставшему сердцу становятся властны
молчанія,
И стонъ его гаснетъ, какъ вздохъ отле-
тѣвшихъ метелей.
Душа загорѣлась отъ искръ неизвѣданной
нѣжности.
Пусть жизнь измѣнила, пусть дни ея вновь
измѣняютъ,
Я вѣренъ одинъ средь тѣней вечерѣющей
снѣжности,
И строгія ели крестами меня осѣняютъ.

Allegro.

I.

АРІАДНА.

Островъ Наксосъ ликуетъ. Летятъ съ береговъ
Восклицанья: «Гименъ Гименей!»
Это празднуетъ Вакхъ, сынъ владыки боговъ,
Брачный пиръ съ Аріадной своей.

Слышны звонкіе хоры. Менады вопятъ:
«І-о-о, І-о-о, Діонисъ!»
Потупляя горящій желаніемъ взглядъ,
Съ ними отроки въ пляскѣ сплелись

Боги, люди и звѣри стеклися на пиръ.
Слышенъ хохотъ и возгласы игръ.
Здѣсь съ пантерою рѣзвится юный сатиръ,
Тамъ къ вакханкѣ ласкается тигръ.

Словно кровь темнокрасное льется вино,
Къ плоскимъ чашамъ припали уста.

Пляшетъ толстый силенъ. Не прельщаетъ давно
Его линій нагихъ красота.

Посреди хоровода, безпеченъ и юнъ
И, какъ нѣжная дѣва румянъ,
Обнялъ ласково Вакхъ, внемля музыкѣ струнъ,
Аріадны бѣлѣющій станъ...

Подъ ногами четы выростаютъ цвѣты.
Сбросилъ барсову шкуру онъ прочь.
И отводитъ глаза отъ его наготы
Пазифаи стыдливая дочь...

Надвигается вечеръ. Съ чела виноградъ
Снялъ рукою прекрасною богъ,
Съ тихой счастья улыбкой взглянулъ на закатъ
И въ ногахъ у супруги прилегъ.

Тѣни гуще. Храня небожителя сонъ
Смолкли хоры и музыка лиръ.
Слышенъ сдавленный смѣхъ. Опьяненъ и влюбленъ,
Манитъ шепотомъ нимфу сатиръ.

Солнце въ море садится, багрянцемъ горя;
Тихо спитъ утомленный женихъ,

И съ печалью въ очахъ дочь Миноса
царя
Оглядѣла вакханокъ своихъ.

—«Вы отъ счастья устали», чуть шепчетъ
она:
«Гдѣ ты счастье промчавшихся лѣтъ!?.
«Я безсмертна. Я свѣтлаго бога жена.
«Но въ душѣ моей радости нѣтъ!..

«Гдѣ ты юноша статный ахейской страны,
«Отъ меня получившій кинжалъ,
«Ты, чьи руки отъ братниной крови красны,
«Ты, кто ими меня обнималъ?!..

«По волнамъ потемнѣвшимъ къ родимой
землѣ
«Съ черным парусомъ мчится ладья.
«Вслѣдъ за ней посылаю я вздохи во мглѣ,
«Въ ней уносится радость моя!»...

II.

АРАБСКОЙ ДѢВИЦѢ ХЕЗѢ, ЖИВУЩЕЙ ВЪ РОЗОВОМЪ ДОМИКѢ У БЕРЕГА МОРЯ.

Ты, чей образъ привѣтливый сердцу такъ милъ,
Смуглолицая Хеза, твой гость не забылъ
Граціозно - веселой улыбки.
Ты, чей взоръ я съ тоской вспоминаю вдали,
Ты, чьи губы меня и дразнили и жгли,
Чьи движенья такъ смѣлы и гибки,
Ты, чья нѣжная грудь такъ отрадно смугла
И добычей для устъ моихъ жадныхъ была,
Чьи такъ ласковы легкія руки...
Твой смѣющійся обликъ я страстно маню
И напѣвовъ гортанныхъ въ душѣ я храню
Непонятно томящіе звуки...
Межъ бровей твоихъ черная точка впилась
И надъ лѣвою грудью арабская вязь

По коричнево-свѣтлому синимъ...
Какъ волна за волною несутся года.
Неужели опять мы съ тобой никогда
Другъ на друга очей не поднимемъ?

Ал. Кондратьевъ.

MAGNIFICAT.

М. В. Сабашниковой.

Вы мнѣ напомнили картины Боттичелли,
И снова видѣлъ я мадонны свѣтлый ликъ,
Глаза печальные, какъ тихій вздохъ свирѣли,
Небесной радости струящійся родникъ,

Развившуюся прядь подъ нимбомъ лучезарнымъ,
Загадочную даль причудливыхъ полей
И свѣтлыхъ ангеловъ, въ порывѣ благодарномъ
Te Deum радостно поющихъ передъ ней.

Забытыя мечты наивной дѣтской вѣры,
Вы радостно легки какъ поступь Примаверы,
Вы нѣжны и чисты, какъ той мадонны взглядъ,

Что среди ангеловъ, собравшихся толпою,
Надъ книгою склонясь, съ улыбкою больною
Рукой задумчивой чертитъ: Magnificat.

Б. Диксъ.

I.

ЗАРЯ.

Bin ich ein Gott?
Goethe.

Заговори во тьмѣ со мной, Природа.
Заговори.
Заговори. Я не хочу восхода
Твоей зари.
Съ огнями дня, съ прикосновеньемъ алымъ
Я — плоть опять,
Но въ полночь, здѣсь, подъ звѣзднымъ покрываломъ,—
Мнѣ все понять.
О, говори, Природа, говори же
И въ свой чертогъ
Введи меня. Вотъ счастье ближе, ближе,
Не я ли Богъ?—
Молчитъ. Отравленной душою
Еще горя,
Гляжу: ползетъ зловѣщей полосою
Заря.

II.

НОЧЬЮ.

Во тьмѣ ледяной предразсвѣтной
По улицамъ мертвымъ и гулкимъ
Грохочутъ телѣги.
Ты слышишь?

Дрожатъ половицы и двери,
Проснувшись дрожишь ты отъ страха:
Что въ этихъ телѣгахъ—
Ты знаешь.

Везутъ онѣ снова день жизни,
День злого насилья вселенной!
День рабства тупого.
Ты плачешь.

Вернись въ слѣпую ночь.
Сгори въ слѣпую ночь.

Конст. Эрбергъ

I.

ЛУНА.

Сѣдой кристаллъ магическихъ заклятій,
Хрустальный трупъ въ покровахъ тишины.
Алмазъ ночей, владычица зачатій,
Царица водъ, любовница волны,

Съ какой тоской изъ водной глубины
Къ тебѣ растутъ сквозь мглу моихъ рас-
пятій,
Къ Діанѣ блѣдной, къ яростной Гекатѣ,
Змѣиные, непрожитые сны!

И сладостенъ, и жутко безотраденъ
Манящій бредъ морщинъ твоихъ и впа-
динъ,
Твоихъ морей блестящая слюда,

Какъ страстный вопль въ безстрастности
эѳира.
Ты крикъ тоски, застывшій глыбой льда,
Ты мертвый ликъ отвергнутаго міра.

II.

Какъ млечный путь, любовь твоя
Во мнѣ мерцаетъ влагой звѣздной,
Въ зеркальныхъ снахъ надъ водной безд-
ной
Алмазность пытки затая.

Ты слезный свѣтъ во тьмѣ желѣзной
Ты горькій звѣздный токъ... А я—
Я помутнѣвшіе края
Зари слѣпой и безполезной.

И жаль мнѣ ночи... Оттого ль
Что вѣщихъ звѣздъ родная боль
Намъ новой смертью сердце скрѣпитъ?..

Какъ синій ледъ—мой день... Смотри!
И меркнетъ звѣздъ алмазный трепетъ
Въ безбольномъ холодѣ зари.

Максъ Волошинъ.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Бѣлой сказочной ночи объятья
Истомили мечтами меня.
Я напрасно шептала заклятья,
И напрасно противилась я.

Одолѣла ты глубью бездонной,
Покорила безликой тоской...
Въ часъ, двойною зарей освѣтленный,
Унесла ты мой бѣлый покой.

Ольга Бѣляевская.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Червленый щитъ тонулъ—не утопалъ,
Въ струяхъ калился золотого рая...
И канулъ... Тамъ, у заревого края,
Въ купели неугасной свѣтъ вскипалъ.

Въ синь блѣдную и въ празелень опалъ
Изъ глуби камня такъ горитъ, играя.
Ночь стала—безъ тѣней. Не умирая,
Въ восточный горнъ огонь закатный палъ.

Недвиженъ свѣтъ. Дома, безъ протяженья,—
И бдительны, и слѣпы. Ночь—какъ день.
Но не межуетъ граней четко тѣнь.

Рѣка хранитъ чудесъ отображенья.
Ей расточить огонь небесный—лѣнь...
Намеки здѣсь—и тамъ лишь достиженья.

Л. Зиновьева-Аннибалъ.

Помертвѣла бѣлая поляна,
Мрѣетъ блѣдно призрачностью снѣжной.
Высокó надъ пологомъ тумана
Алый вѣнчикъ тлѣетъ зорькой нѣжной.

Въ лунныхъ льнахъ въ гробу лежитъ царевна;
Тусклый вѣнчикъ надъ челомъ высокимъ...
Мѣсячно за облакомъ широкимъ, —
А въ душѣ пустынно и напѣвно...

Вячеславъ Ивановъ.

—

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

СТИХИ.

I.

Сладко мечтается мнѣ,
Слабо мерцаетъ лампада,
Тѣни скользятъ по стѣнѣ,
Тихо мечтается мнѣ
Тайная сердцу услада.

Рядомъ со мной ты опять,—
Я-ль не отдамся отрадѣ?
Сладко съ тобой мнѣ мечтать,
Сердце трепещетъ,—опять
Радость въ потупленномъ взглядѣ.

II.

Надъ усталою пустыней
Развернулся пологъ синій,
Въ небо вышелъ мѣсяцъ ясный,
Нетревожный и нестрастный,
Низошла къ землѣ прохлада,
И повѣяла отрада.
Въ мой шатеръ, въ объятья сна,
Тишина низведена.

Съ внѣшней жизнью я прощаюсь,
И въ забвенье погружаюсь.
Предо мною міръ не здѣшній,
Гдѣ ликуетъ другъ мой вешній.
Гдѣ безгрѣшное свѣтило,
Не склоняясь, озарило
Тотъ нетлѣнный, юный садъ,
Гдѣ хвалы его звучатъ.

III.

Росою весь обрызганъ дворъ,
Какъ звѣздами крупными и яркими.
И блуждаетъ, любуется подарками
Веселаго солнца мой взоръ.
Любуется каждою росинкою,
На каждый дивится листокъ.
Вотъ блеститъ зеленою спинкою,
Въ травѣ притаился жучокъ.
Вотъ у забора чернокудренникъ
Прижался весь въ слезахъ.
О чемъ ты плачешь?—Утренникъ
Такой былъ холодный, что страхъ.

IV.

Есть тропа неизбѣжная
На крутомъ берегу,—
Тамъ волшебница нѣжная
Запыхалась въ бѣгу,

Улыбается сладкая
И бѣжитъ далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только съ нею легко.

Пробѣжитъ,—зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...

Рокового, заклятаго
Не хотѣть бы кольца,
Отойти бъ отъ крылатаго
Огневого гонца.

V.

Тихая дорога,
И надъ нею сосны.
Отдохнемъ немного,
Комары несносны.

Смотрятъ дѣти хижинъ
Въ тихомъ нетерпѣньи,
Но заливъ недвиженъ,
Лодки въ отдаленьи.

Видишь,—на закатѣ
Тихо и багряно.
Стекла въ дальней хатѣ
Свѣтятся румяно.

VI.

Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
  Лилію мою.
Въ зломъ краю ночной порою,
Утаю тебя, укрою
  Блѣдную мою.
Ты моя, и отнимая
У ручья любимца мая,
  Лилія моя,
Я пою въ ночахъ зимовья
Соловьемъ у изголовья,
  Блѣдная моя.

VII.

Цѣлуйте руки
У нѣжныхъ дѣвъ,
Широкій плащъ разлуки
На нихъ надѣвъ.

Цѣлуйте плечи
У милыхъ женъ,—
Покой блаженной встрѣчи
Имъ возведенъ.

Цѣлуйте ноги
У матерей,—
Надъ ними бичъ тревоги
За ихъ дѣтей.

VIII.

На закатъ, на зарю
Долго, долго смотрю.
Слышу, кровь моя бьется
И въ зарѣ отдается.
Какъ-то весело мнѣ,
Что и я весь въ огнѣ.
Это—кровь моя таетъ,
И горитъ да играетъ
Надъ моею горой,
Надъ моею рѣкой.
Вотъ заря догорѣла,
Мнѣ смотрѣть надоѣло,
Я глаза затворилъ,
Я весь міръ погасилъ.

———

М. КУЗМИНЪ.

ПРЕРВАННАЯ ПОВѢСТЬ.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Любовь водила Вашею рукою,
Когда писали этотъ Вы портретъ.
Ни отъ кого лица теперь не скрою,
Никто не скажетъ: «не любилъ онъ, нѣтъ.»
Клеймомъ любви на вѣкъ запечатлѣнны
Мои черты подъ Вашею рукой,
Глаза глядятъ одной мечтой плѣненны,
И безпокоенъ мертвый ихъ покой.
Вѣнокъ за головой, открыты губы,
Два ангела напрасныхъ за спиной.
Не поразятъ мой слухъ ни громъ, ни трубы,
Ни тихій зовъ куда-то въ край иной.
Лишь слышу голосъ Вашъ, о Васъ мечтаю,
На Васъ направленъ взглядъ недвижныхъ глазъ.
Я пламенѣю, холодѣю, таю,
Лишь приближаясь къ Вамъ, касаясь Васъ.
И скажутъ всѣ, забывши о запретѣ,
Смотря на смуглый томный мой овалъ:
«Однимъ любовь водила при портретѣ,
Другой его любовью колдовалъ.»

ВЪ ТЕАТРѢ.

Переходы, корридоры, уборныя,
Лѣстница витая полутемная,
Разговоры, споры упорные,
На дверяхъ занавѣски нескромныя.
Пахнетъ пылью, скипидаромъ, бѣлилами;
Издали доносятся оваціи,
Балкончикъ съ шаткими перилами,
Что-бъ смотрѣть на полу декораціи.
Долгіе часы ожиданія,
Болтовня съ маленькими актрисами,
По уборнымъ, по фойе блужданіе,
То въ мастерской, то за кулисами
Вы придете совсѣмъ неожиданно,
Звонко стуча по корридору,
О сколько значенья придано
Походкѣ, улыбкѣ, взору!
Сладко быть при всѣхъ поцѣлованнымъ
Съ привѣтомъ, казалось бы бездушнымъ,
Сердцемъ внимать окованнымъ
Милымъ словамъ равнодушнымъ.
Какъ люблю я стѣны посырѣвшія
Бѣлаго зрительнаго зала,
Сукна, на сценѣ сѣрѣвшія;
Ревности жало.

НА ВЕЧЕРѢ.

Вы и я, и толстая дама,
Тихонько затворивши двери,
Удалились отъ общаго гама.

Я игралъ Вамъ свои «Куранты»,
Поминутно скрипѣли двери,
Проходили модницы и франты.

Я понялъ Вашихъ глазъ намеки,
И мы вышли вмѣстѣ за двери,
И всѣ намъ вдругъ стали далеки.

У рояли толстая осталась дама,
Франты стадомъ толпились у двери,
Тонкая модница громко смѣялась.

Мы взошли по лѣстницѣ темной,
Отворили знакомыя двери,
Ваша улыбка стала болѣе томной.

Занавѣсились любовью очи,
Уже другія мы заперли двери...
Еслибъ чаще бывали такія ночи!

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

Цѣлый день проведемъ мы сегодня вмѣстѣ
Трудно вѣрить такой радостной вѣсти.

Вмѣстѣ будемъ ѣздить, ходить, другъ за другомъ слѣдомъ
Вы въ своей голландской шапкѣ, съ пледомъ,

Вмѣстѣ визиты,—на улицахъ грязно.
Такъ любовно, такъ плѣнительно буржуазно!

Мы вѣрны правиламъ веселаго быта,
И «Шабли во льду» нами не позабыто.

Жалко, что Вы не любите «Вѣны».
Но отчего трепещу я какой-то измѣны?

Вы сегодня милы, какъ никогда не бывали,
Лучше Васъ другой отыщится едвали.

Приходите завтра, приходите съ Сапуновымъ!
Милый другъ, каждый разъ вы мнѣ кажетесь новымъ!

КАРТОННЫЙ ДОМИКЪ.

Мой другъ уѣхалъ безъ прощанья,
Оставивъ мнѣ картонный домикъ,
Милый подарокъ, ты—намекъ или предсказанье
Мой другъ бездушный насмѣшникъ или нѣжный комикъ?
Что дѣлать съ тобою, странное подношенье?
Зажгу свѣчу за окнами изъ цвѣтной бумаги...

Не сулишь ли ты мнѣ радости рожденье?
Не близки-ли короли-маги?
Ты легкій, разноцвѣтный и прозрачный
И блестишь, когда я огонь въ тебѣ зажигаю,
Безъ огня ты—картонный и мрачный—
Вѣрно-ли я твой намекъ понимаю?
А предсказанье твое такое:
Взойдетъ звѣзда, придутъ волхвы съ золотомъ,
ладономъ и смирной.
Что же это можетъ значить другое,
Какъ ни то, что пришлютъ намъ денегъ, достигнемъ любви, славы всемірной?

НЕСЧАСТНЫЙ ДЕНЬ.

Я знаю, что у Васъ такіе нравы:
Уѣхать не простясь, вернуться тайно,
Вамъ любо поступать необычайно,
Но какъ Вамъ не сказать, что Вы не правы?
Быть въ томъ же городѣ, такъ близко, близко
И не видать, не слышать, не касаться,
Разъ двадцать въ день къ швейцару внизъ спускаться,
Смотрѣть, пришла-ль столь жданная записка!
Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! чужіе ходятъ съ Вами,
И говорятъ, и слышатъ безъ участья
То, что меня ввергало бъ въ трепетъ счастья,
И руку жмутъ бездушными руками.

Извозчикамъ, актерамъ, машинистамъ,
Вы всѣмъ открыты, всѣ Васъ могутъ видѣть...
Ну что-жъ, любви я не хочу обидѣть:
Я буду терпѣливымъ, вѣрнымъ, чистымъ.

МЕЧТЫ О МОСКВѢ.

Розовый домъ съ голубыми воротами,
Шапка голландская съ отворотами.

Милыя руки, глаза невѣрные
Уста любимыя (неужели лицемѣрныя?)

Въ комнатѣ гардеробъ, кровать двуспальная,
Изъ окна мастерской видна улица дальняя.

Въ Вашей столовой съ лѣстницей внутренней
Такъ сладко пить чай или кофей утренній.

Вмѣстѣ цѣлые дни, близкіе гости, рѣдкіе,
Шумъ, смѣхъ, пѣнье, остроты мѣткія.

Вдвоемъ по переулкамъ снѣжнымъ блужданіе,
Долгимъ поцѣлуемъ ночи начало и окончаніе.

УТѢШЕНІЕ.

Я жалкой радостью себя утѣшу,
Купивъ такую-жъ шапку какъ у Васъ,
Ее на вѣшалку, вздохнувъ, повѣшу

И вспоминать Васъ буду каждый разъ.
Свое увидя мелькомъ отраженье,
Я удивлюсь, что я не вижу Васъ,
И дорисуетъ вмигъ воображенье
Подъ шапкой взглядъ невѣрныхъ милыхъ глазъ.
И проходя случайно по передней,
Я вдругъ плѣнюсь несбыточной мечтой,
Я обольщусь какой то странной бредней.
«Вдругъ онъ пріѣхалъ, въ комнатѣ ужъ той.»
Мнѣ видится знакомая фигура,
Мнѣ слышится Вашъ голосъ: то не сонъ!
Но тотчасъ я пройду опять понуро,
Пустой мечтой на мигъ лишь обольщенъ,
И залу взглядомъ обведу пустую:
Увы, стекломъ былъ лживый тотъ алмазъ!
И лишь печально отворотъ цѣлую
Такой же шапки какъ была у Васъ.

ЦѢЛЫЙ ДЕНЬ.

Сегодня цѣлый день пробуду дома,
Я видѣть не хочу чужихъ людей.
Владѣетъ мною грустная истома
И потерялъ я счетъ несчастныхъ дней.
Морозно, ясно, солнце въ окна свѣтитъ,
Изъ дѣтской слышенъ шумъ и смѣхъ дѣтей.
Письмо, которому онъ не отвѣтитъ,
Пишу я тихо въ комнатѣ своей.

Я посижу немного у Сережи,
Потомъ съ сестрой, въ столовой, у себя.
Съ минутой каждой Вы мнѣ все дороже,
Забывъ меня, презрѣвши, не любя.
Читаю книгу я, не понимая,
И мысль одно и тоже мнѣ твердитъ:
«Далекъ зимой расцвѣтъ веселый Мая.
«Разлукою любовь кто утвердитъ?»
Свѣтъ двухъ свѣчей не гонитъ полумрака,
Печаль моя упорна и тупа
И пѣсеньку пою я Далайрака
«Mon bien-aimé, hélas, ne reviens pas»
Вотъ ужинъ, чай, холодная котлета,
Лѣнивый споръ домашнихъ, я молчу.
И совершивъ обрядность туалета,
Скорѣй тушу унылую свѣчу.

ЭПИЛОГЪ.

Что дѣлать съ вами, милые стихи?
Кончаетесь, едва начавшись.
Счастливы всѣ невѣсты, женихи,
Покойникъ—мертвъ, скончавшись,
Въ романахъ строгихъ ясны всѣ слова,
Въ концѣ большая точка;
Извѣстно, кто Арманъ и кто вдова
И чья Элиза дочка.
Но въ легкомъ бѣгѣ повѣсти моей

Нѣтъ стройности намека;
Надъ пропастью летитъ она вольнѣй
Газели скока.
Слезъ не замѣтитъ на моемъ лицѣ
Читатель плакса;
Судьбой не точка ставится въ концѣ,
А только клякса.

1907.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

СТИХИ.

ВЕЧЕРЪ.

Вечеръ опять, какъ вчера,
Въ заревѣ тающей алости,
Въ нѣгѣ влюбленной усталости,
Въ старыхъ тѣняхъ серебра.

Вечеръ, какъ всѣ вечера
Бѣлыхъ ночей зацвѣтанія,
Тайнаго свѣтостоянія,
Спящій въ росѣ до утра.

Юны въ своей обветшалости
Сѣвера нѣжныя шалости.

Сладостна лѣнь опусканія
Въ длящійся мигъ разставанія.

Нѣга ночная остра
Въ свѣтѣ двойного костра.

СУМЕРКИ.

Сумерки, сумерки—ночи не будетъ!
Сколько ни жди, ни зови—не придетъ.
Вечеръ—Заря, догорая, разбудитъ
Утро—Зарю за собой позоветъ.

Какъ хороши красотой замедленія
Эти часы незамѣтныхъ утратъ.
Сладостной тягостью бѣлаго бдѣнія,
Тайно кадящаго тлѣнъ-ароматъ.

ЛЕНА.

Я къ тебѣ приду сегодня, Лена,
    Въ тихій теремъ.
Сказкамъ старымъ, самымъ старымъ, Лена,
    Мы повѣримъ.
Ты—невѣста въ злой неволѣ, Лена,
    Я—твой милый.
Усыплю я Змѣя пѣсней, Лена,
    Сномъ могилы.
Лена, правда, губы алы, Лена,
    Губы—зори?
Лена, правда, очи сини, Лена,
    Очи—море?
Посмотри: вѣдь ты—царевна, Лена.
    Я—спаситель.
Злого Змѣя—правда, правда, Лена?—
    Побѣдитель.

МГЛА.

Куда ни захочешь, меня уведешь:
Сегодня вѣдь бѣлая ночь.
Захочешь—полюбишь, захочешь—убьешь!
Знаешь сама: это—бѣлая ночь

Смотри и не бойся, что очи тусклы:
Это тускнѣетъ бѣлая ночь.
Рана раскроется въ трепетѣ мглы,
Кровью затеплится бѣлая ночь.

УПЫРЬ.

Никто меня не полюбитъ,
Никто меня не спасетъ.
Злой Упырь меня губитъ,
Алу кровь сосетъ.

Только, только ночь настанетъ:
Ухожу въ дремучій лѣсъ.
Такъ и тянетъ, такъ тянетъ,
Спасти нѣтъ чудесъ.

А тамъ ужъ изъ-за тумана
Поднялся Упырь, глядитъ.
Раскрывается рана,
Алу кровь струитъ.

И Упырь бѣлый, безрукій
Припадаетъ и сосетъ.
Тяжелыя мои муки
Никто не спасетъ.

На утро дѣвушки спросятъ:
Отчего блѣденъ ты такъ,
Зачѣмъ твоя шея носитъ
Такой страшный знакъ?

Отчего кружиться не можешь,
Не водишь нашъ хороводъ?
Зачѣмъ сердце гложешь?
Потемнѣлъ отъ заботъ?

Покажу имъ на лѣсъ темный:
Никто меня не спасетъ.
Вотъ-вотъ на лугъ поемный
Злой туманъ падетъ.

ПАУКЪ.

Никнетъ шатко
Тихій садъ
Воздухъ давитъ, какъ удавъ.
Пахнетъ сладко
Сладкимъ сокомъ сонныхъ травъ.
Бѣлый гадъ,
Луноводъ,
Хороводитъ небосводъ.
Свѣтитъ празелень вокругъ.
Бѣлый кругъ,
Злой паукъ,
Смотритъ, губу закусивъ,
Свѣтосѣти распустивъ.
Паутину ткетъ и ткетъ,
Ткетъ и ткетъ.
До меня спустилась сѣть.
Я въ сѣтяхъ
Паука.
На лицѣ и на рукахъ
Паутинки паука.

Мнѣ теперь не улетѣть.
Я жалка
Передъ окомъ паука.
Бѣлый гадъ,
Луноводъ
Выпьетъ кровь,
Это—лунная любовь.
И опять,
Бѣлъ и тихъ,
Паутину будетъ ткать,
Свѣтосѣти излучать
Для другихъ.

Змѣя.

Ты обвила меня кольцами холодными,
Ты на меня дышешь жалами голодными,
Ты меня мучишь, Бѣлая Змѣя!
Сердце измаяно стонами безплодными,
Неба и земли не видать мнѣ свободными,
Все заполонила, блистая, чешуя.

Нѣтъ поцѣлуевъ, твоихъ безотраднѣе,
Нѣтъ пустоты, твоихъ глазъ ненаглянѣе,
Нѣтъ твоихъ устъ острѣе лезвія.
Нѣтъ у мученій наряда наряднѣе,
Нѣтъ и не слыхано любви безпощаднѣе,
Радость и отрава, Бѣлая Змѣя!

СТРАСТНАЯ ЧЕРЕДА.

Какъ злая птица, Ночь вспорхнула
Надъ обезкрыленной землей,
Страстнымъ лобзаніемъ прильнула
И улетѣла сѣрой мглой.

И, губъ безкровныхъ не смыкая,
Невѣста смерти молодой,
Красой холодною сверкая,
Выходитъ Утро чередой.

Но чистоту ея святую
И блѣдность ясную ланитъ,
Багряной раной поцѣлуя,
Едва лишь Солнце осквернитъ—

Она умретъ, и День немилый,
Лучами наглыми горя,
На сводъ блестящій и застылый
Введетъ растлѣнная Заря.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Съ каждой весною пути мои круче,
Мертвеннѣй сумракъ очей.
Съ каждой весною яснѣй и пѣвучей
Таинства бѣлыхъ ночей.

Мѣсяцъ ладью опрокинулъ въ послѣдней
Блѣдной могилѣ,—и вотъ
Стертыя лица и пьяныя бредни...
Карты... Цыганка поетъ.

Смѣхомъ волнуемый чернымъ и громкимъ
Былъ у насъ пламенный ликъ...
Свѣтъ набѣжалъ. Промелькнули потемки.
Вотъ онъ: безстрастенъ и дикъ.

Видишь: и мнѣ наступила на горло,
Душитъ красавица ночь.
Краски послѣднія смыла и стерла...
Что жь? Если можешь,—пророчь...

Ласки мои неумѣлы и грубы,
Ты же—нѣжнѣе, чѣмъ май.
Что же? Цѣлуй въ помертвѣлыя губы.
Поясъ печальный снимай.

1907.

СОДЕРЖАНІЕ

